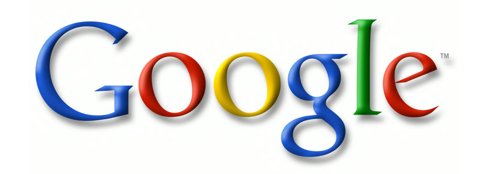
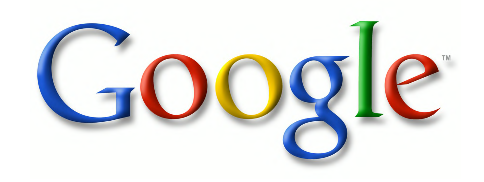

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

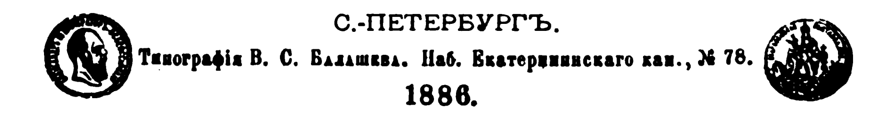
ЧАСТЬ CCXLV.

1886.

ІЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1886.

СОДЕРЖАНІЕ.

Критика и библіографія.

Современная лѣтопись.

Отдѣлъ классической филологіи.

Редакторъ **Л. Майковъ.**

(Вышла 4-го іюня).

УЧЕНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ В. Н. ТАТИЩЕВА.

(1686—1750).

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 19-го апрѣля 1886 года.

За два вѣка до насъ въ жизни Европы совершилось явленіе громадной важности: русскій народъ, занявшій восточныя равнины ея и державшійся особнякомъ вслѣдствіе географическихъ и историческихъ условій, долгое время надъ нимъ господствовавшихъ, вошелъ въ связь съ другими народами, старшими предъ нимъ по культурному развитію. Окончивъ побѣдоносно борьбу съ Востокомъ и переставъ носить характеръ европейской украйны относительно Азіи, Россія обратила свою дѣятельность къ западу. Вступая въ болѣе тѣсное, чѣмъ прежде, общеніе съ своими христіанскими сосѣдями, русскій народъ долженъ былъ принять на себя ихъ вліяніе, обнаруживъ, однакожъ, при этомъ и собственное воздѣйствіе на Европу непосредственнымъ участіемъ въ политическихъ вопросахъ, волновавшихъ ее. Еще въ XVII вѣкѣ у русскихъ людей, при первомъ сравненіи себя съ западными народами, явилась мысль перенять отъ нихъ то, въ чемъ европейская жизнь превосходила русскую: военное искусство, матеріальное довольство, школьное просвѣщеніе. Съ перваго царя изъ дома Романовыхъ и русское правительство, и передовые русскіе люди стали обращать все большее и большее вниманіе на устройство и обученіе войска, на развитіе промышленности и торговли, на распространеніе школъ. Чѣмъ далѣе подвигались десятилѣтіе за десятилѣтіемъ, изъ коихъ сложился XVII вѣкъ, тѣмъ на-

стойчивѣе становились заботы русскаго правительства, обращенныя на эти стороны государственной и общественной жизни. Петръ Великій далъ только болѣе широкій просторъ и болѣе сильное движеніе возникшимъ до него стремленіямъ, навѣяннымъ примѣромъ запада. Но, помимо того, у Россіи въ началѣ XVIII вѣка было не мало задачъ, унаслѣдованныхъ отъ предшествовавшаго времени и также требовавшихъ отъ Петра большихъ заботъ и непрестаннаго труда. Этими-то задачами и отличалось русское общество отъ западно-европейскаго въ такъ-называемую эпоху преобразованій; онѣ-то и составляли его самобытный характеръ, не смотря на широко бившую поверхъ ихъ струю заимствованій. Среди этихъ задачъ первое мѣсто занималъ вопросъ о переустройствѣ центральнаго управленія, затронутый еще смутною эпохой и достаточно назрѣвшій въ теченіе цѣлаго столѣтія, такъ какъ боярская дума все болѣе и болѣе теряла свое первоначальное значеніе по мѣрѣ исчезновенія стариннаго боярства и появленія въ его средѣ новыхъ людей безъ прежнихъ преданій; а между тѣмъ сознавалась потребность въ такомъ правительствующемъ учрежденіи, которое имѣло бы подобающія количеству и разнообразію заправляемыхъ дѣлъ обстановку, полномочія и служебныя средства. Приказное начало, господствовавшее не только въ центральномъ, но и въ областномъ управленіи и основывавшееся на порученіи правительственныхъ дѣлъ отдѣльнымъ лицамъ, замѣнялось началомъ коллегіальнымъ или соборнымъ, какъ говорилось въ Петровскихъ актахъ, но не тѣмъ, которое исчезло вмѣстѣ съ земскими соборами древней Руси еще до Петра. Далѣе выдвинутъ былъ самою жизнію вопросъ о сословіяхъ: изъ многочисленныхъ разрядовъ, на которые дробилось старорусское общество, уже въ XVII вѣкѣ сложились два крупныхъ разряда людей служилыхъ и людей тяглыхъ, а въ средѣ послѣднихъ отдѣлились посадскіе или горожане отъ людей уѣздныхъ или сельчанъ. Рядомъ съ ними продолжали существовать: зависѣвшій только отъ частныхъ лицъ, а не отъ государства, многочисленный разрядъ людей, заложившихся за другихъ, болѣе богатыхъ и болѣе сильныхъ, чѣмъ они, и не менѣе обширный классъ людей гулящихъ, не зависѣвшій ни отъ государства, ни отъ частныхъ лицъ. Законодательство древней Руси, возникшее и сложившееся путемъ обобщенія частныхъ приговоровъ и постановленій на отдѣльные случаи, нуждалось въ пересмотрѣ, исправленіи и пополненіи, вообще въ приведеніи его къ большему единству. Наконецъ, въ XVII же столѣтіи обострился вопросъ объ отношеніи церкви къ

государству, усложнившійся, кромѣ того, расколомъ, что повліяло на отношенія духовенства къ паствѣ. Вотъ задачи, съ которыми пришлось имѣть дѣло русскому обществу въ первыя десятилѣтія прошлаго вѣка, въ которыхъ выражалась оригинальность русскаго быта и русской исторіи и для рѣшенія которыхъ примѣръ западныхъ народовъ былъ недостаточенъ. Не будемъ говорить о другихъ менѣе важныхъ явленіяхъ, которыя, однакожъ, составляя принадлежность своего времени, также были злобами дня для тогдашнихъ дѣятелей.

В. Н. Татищевъ (родился 19-го апрѣля 1686 года, умеръ 15-го іюля 1750 г.), память котораго мы нынѣ чествуемъ, былъ однимъ изъ выразителей тѣхъ стремленій, какими жила Россія въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII вѣковъ, и однимъ изъ участниковъ въ разъясненіи и обсужденіи тѣхъ задачъ, около которыхъ вращалась политическая и правительственная дѣятельность современнаго ему общества. Татищевъ началъ службу въ драгунскомъ Азовскомъ полку, былъ потомъ артиллеристомъ, горнымъ чиновникомъ, совѣтникомъ бергъ-коллегіи и монетной конторы, главнымъ правителелемъ сибирскихъ и уральскихъ заводовъ, начальникомъ оренбургской экспедиціи и башкирскаго края, и наконецъ астраханскимъ губернаторомъ, управлявшимъ въ то же время и дѣлами калмыцкаго народа. Вотъ рамка, въ которую укладывалась служебная дѣятельность Татищева и въ предѣлахъ которой видоизмѣнялись и постепенно расширялись его офиціальныя права и обязанности. Въ качествѣ военнаго человѣка онъ участвовалъ въ великой Сѣверной войнѣ, передавшей Россіи обладаніе берегами Балтійскаго моря, чего добивались московскіе цари еще со временъ Ивана Грознаго. Онъ сражался въ Полтавской битвѣ, давшей рѣшительный поворотъ Сѣверной войнѣ, и потомъ исполнялъ важныя порученія при русскихъ войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ шведовъ за границей. Къ Петровскому же времени относится и первое вмѣшательство Россіи во внутреннія дѣла польской Рѣчи Посполитой, основывавшееся на томъ, что Петръ явился посредникомъ, закрѣпившимъ договоръ, заключенный въ 1716 году между королемъ Августомъ II и польской шляхтой; Татищевъ именно около этого времени дважды побывалъ въ Польшѣ и, ознакомившись съ ея тогдашнимъ устройствомъ, нашелъ нужнымъ заняться и ея прошлою исторіей. Онъ участвовалъ и въ той войнѣ съ турками, которою началось покровительство Россіи христіанамъ Балканскаго полуострова, а на склонѣ жизни своей ру-

ководилъ пограничными сношеніями съ кавказскими горцами и охранялъ русскія владѣнія въ Прикавказьѣ и русскую торговлю на берегахъ Каспійскаго моря отъ замысловъ персидскаго шаха Надира. Наконецъ, большаго труда и многихъ заботъ потребовали отъ него: усмиреніе башкирскаго мятежа, управленіе калмыками, поселеніе принявшихъ между ними православіе въ построенномъ для нихъ Ставрополѣ на Волгѣ, переговоры и торговыя сношенія съ киргизами, а также столкновенія съ бухарцами, хивинцами и туркменами. Такимъ образомъ, на глазахъ Татищева завязались тѣ вопросы внѣшней политики, которые характеризуютъ исторію Россіи за послѣдніе два вѣка: вопросъ о преобладаніи ея на сѣверѣ Европы, вопросы польскій и восточный и колонизаціонное движеніе русскаго народа въ среднюю Азію. Но вся эта дѣятельность, обращенная на задачи, входившія въ кругъ внѣшней политики Россіи, равно какъ и дѣятельность административная, не выдвинула бы Татищева впередъ изъ ряда другихъ сотрудниковъ и учениковъ Петра, еслибы онъ не представлялъ собою примѣръ правителя, изучавшаго ввѣренныя имъ области съ ихъ населеніемъ во всѣхъ ихъ настоящихъ нуждахъ и прошлой жизни, старавшагося узнать поручаемыя ему дѣла не только съ практической ихъ стороны, но и съ точки зрѣнія исторической и юридической. Татищевъ на всѣхъ ступеняхъ своего служебнаго положенія былъ изслѣдователемъ, стремившимся уяснить себѣ происхожденіе подлежавшихъ его управленію дѣлъ для того, чтобы, овладѣвъ ими вполнѣ, стать потомъ распорядителемъ ихъ дальнѣйшей судьбы. Въ Татищевѣ всегда соединялся администраторъ съ ученымъ человѣкомъ, и этимъ онъ обязанъ былъ не только своимъ личнымъ дарованіямъ и наклонностямъ, но и характеру Петровской реформы. Путемъ самообразованія Татищевъ достигъ значительныхъ для своего времени познаній въ разныхъ отрасляхъ науки, но на первыхъ порахъ средства къ пріобрѣтенію ихъ даны были Петромъ, три раза посылавшимъ его за границу; а въ самомъ направленіи, которое приняли его ученыя занятія, отразились совѣты и указанія тѣхъ административныхъ и ученыхъ дѣятелей, съ коими онъ встрѣчался въ первой половинѣ своей жизни. Его свѣдѣнія имѣли почти энциклопедическій характеръ, но обращены были преимущественно на изученіе Россіи и ея населенія въ ихъ прошломъ и настоящемъ.

Въ теченіе всей своей жизни, начиная съ первой поѣздки за границу, онъ собиралъ книги и составлялъ такимъ образомъ цѣлыя библіотеки. Одна изъ такихъ библіотекъ была подарена имъ при

отъѣздѣ изъ Екатеринбурга основанной тамъ при его содѣйствіи горной школѣ; эти книги и до сихъ поръ сохранили на первомъ листѣ своемъ начальныя буквы имени и фамиліи дарителя (В. Т.): на многихъ въ концѣ есть надписи, то по русски, то по нѣмецки одною и тою же рукою, свидѣтельствующія, въ какомъ году и гдѣ какая книга куплена. Изъ этихъ надписей видно, что книги покупались Татищевымъ въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Данцигѣ, Дрезденѣ, на Аландѣ и въ Стокгольмѣ (нѣсколько книгъ куплено въ Петербургѣ, Москвѣ и Тобольскѣ), что въ 1713 и 1714 годахъ, бывъ въ Берлинѣ, Бреславлѣ и Дрезденѣ, Татищевъ изучалъ артиллерію, инженерное и отчасти горное дѣло, потому что значительная часть книгъ, пріобрѣтенныхъ тамъ, касалась математики, артиллеріи, фортификація и металлургіи; впрочемъ, между ними было нѣсколько пособій по исторіи, географіи, геологіи и минералогіи. Изъ собственныхъ показаній Татищева знаемъ, что, находясь въ Берлинѣ, онъ посѣщалъ королевскую библіотеку, гдѣ вниманіе его обратила на себя между прочимъ славянская библія, напечатанная лѣтъ за 200 предъ тѣмъ глаголитою. Въ 1717 году онъ былъ въ Данцигѣ и проѣхалъ черезъ Познань: сохранилось 15 писемъ, писанныхъ В. Н—мъ къ Брюсу въ это время. Онъ былъ тогда поручикомъ артиллеріи и главнымъ дѣломъ, на него возложеннымъ, было снабженіе аммуниціей русскихъ полковъ дивизій Вейде и Рѣпнина, стоявшихъ въ окрестностяхъ Данцига и сильно обносившихся въ одеждѣ, а также исправленіе артиллеріи, орудія и припасы которой были значительно попорчены. Съ 21-го мая до конца сентября 1717 года онъ неусыпно трудился надъ ввѣреннымъ ему порученіемъ, о чемъ князь Рѣпнинъ такъ отозвался въ письмѣ изъ Торна къ Я. В. Брюсу (отъ 17-го сентября): „Присланный отъ вашего превосходительства поручикъ Татищевъ человѣкъ добрый, дѣло свое въ моей дивизіи изрядно исправилъ; истинно никогда такъ было, за что благодарствую и желаю, дабы и всегда здѣсь при насъ таковы жъ были, а не такіе какіе были и нынѣ есть". Въ промежуткахъ между дѣлъ по своей коммиссіи Татищевъ долженъ былъ пріискивать пушечныхъ мастеровъ, огородника и садовника, статуйнаго мастера, подряжать ихъ для обученія своимъ мастерствамъ русскихъ учениковъ; покупалъ рѣдкія растенія, сѣмена, венгерскія вина, книги различнаго содержанія, но преимущественно математическія и историческія, и все это отправилъ въ Петербугъ на купеческомъ кораблѣ. Въ то же время онъ успѣвалъ наполнять свои письма любопытными извѣстіями о политическихъ и военныхъ

происшествіяхъ, о пріѣздѣ Петра Великаго въ Данцигъ и о дипломатическихъ переговорахъ, которые велъ съ данцигскимъ магистратомъ князь Долгоруковъ. Вся эта переписка ясно свидѣтельствуетъ, что Татищевъ въ то время былъ уже близко извѣстенъ графу Брюсу и пользовался его довѣріемъ. Брюсъ, какъ начальникъ артиллеріи, цѣнилъ въ Татищевѣ не только исполнительнаго, но и образованнаго офицера, обладавшаго уже нѣкоторымъ запасомъ свѣдѣній, которыя могли въ будущемъ возрости при несомнѣнной его любви къ наукамъ. Есть основаніе думать, что Татищевъ былъ вмѣстѣ съ Брюсомъ на аландскомъ конгрессѣ, ибо на десяти книгахъ, принадлежавшихъ къ его библіотекѣ, Аландъ обозначенъ какъ мѣсто покупки ихъ.

Собственноручныя замѣтки Татищева на поляхъ пріобрѣтенныхъ имъ въ эти годы книгъ свидѣтельствуютъ о знакомствѣ его съ нѣсколькими языками. Такъ, въ книгѣ „Chronica Slavorum Helmoldi“ есть помѣты, что Татищевъ читалъ ее, и стало быть разумѣлъ по латыни. Впрочемъ, это доказывается и нѣкоторыми примѣчаніями къ его „Исторіи Россійской“, отчасти его статьею на латинскомъ языкѣ „О мамонтовой кости“, и поправками статей Байера въ переводѣ Кондратовича. Въ промежуткѣ между первою и второю поѣздкою на Уралъ Татищевъ купилъ въ Москвѣ нѣсколько польскихъ книгъ и латино-польскій словарь; въ немъ рукою владѣльца при весьма многихъ словахъ прибавлены къ польскимъ объясненіямъ и русскія. На грамматикѣ французскаго языка, купленной еще въ 1714 году въ Берлинѣ, есть надпись: „1720 года октября въ 21-й день въ Кунгурѣ по сей грамматикѣ началъ учиться по французски артиллеріи капитанъ Василій Никитинъ сынъ Татищевъ, отъ рожденія своего 34 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и двухъ дней“. Полное знакомство Татищева съ нѣмецкимъ языкомъ доказывается многими мѣстами его сочиненій, сношеніями съ шведскими учеными, съ иностранными путешественниками по Россіи, напримѣръ, Кэстлемъ, Лерхе и Ганвеемъ, нѣсколькими докладами Бирону и вѣдѣніями въ Академію Наукъ.

Графъ Брюсъ, начальствовавшій тогда всею русскою артиллеріей, назначенъ былъ въ 1719 году президентомъ только что учрежденной бергъ-коллегіи и, имѣя на своихъ рукахъ множество другихъ порученій отъ Петра, указалъ ему на Татищева, какъ на человѣка, способнаго продолжать начатые самимъ Брюсомъ труды по составленію русской географіи и картъ къ ней. Это послужило для Татищева поводомъ къ подачѣ царю „Представленія о землемѣріи и со-

ставленіи плановъ и картъ". Такъ начались географическія работы Татищева; съ этого же времени онъ, въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ сочиненій, ведетъ начало межеванія въ Россіи, то-есть, появленіе перваго отряда русскихъ геодезистовъ. Но тогда свѣдущихъ людей было мало, а всякихъ дѣлъ у Петра полны руки; не удивительно, что онъ оторвалъ Татищева отъ географическихъ занятій и послалъ его на Уралъ съ инымъ порученіемъ; да и самъ Татищевъ нашелъ, что, не ознакомившись съ исторіей Россіи, нельзя думать о ея географическомъ описаніи.

Я не буду касаться дѣятельности Татищева по управленію горными заводами на Уралѣ и въ западной Сибири, куда онъ дважды ѣздилъ при Петрѣ, а потомъ при Аннѣ Іоанновнѣ уже въ качествѣ главнаго начальника всего горнаго управленія въ названныхъ краяхъ: заслугамъ его въ этомъ отношеніи будетъ посвящена въ нынѣшнемъ собраніи особая рѣчь. Не буду останавливаться и на его административной дѣятельности въ Оренбургскихъ и Астраханскихъ земляхъ, отъ которой сохранилось до насъ до 2,000 всякаго рода документовъ, изъ коихъ большая половина, иногда цѣлые дневники, вышли изъ-подъ пера Татищева или были имъ составлены, другими переписаны, но потомъ пересмотрѣны и подписаны имъ. Это время въ служебныхъ дѣлахъ Татищева было обильно происшествіями, важными и для него самого, и для помянутыхъ областей, и могло бы составить любопытный предметъ для особаго изслѣдованія. Намъ же слѣдуетъ предпочесть знакомство съ учеными и литературными трудами Татищева, останавливаясь при этомъ изрѣдка и на тѣхъ событіяхъ въ его жизни, которыя имѣли тѣсную связь съ ними.

Служба Татищева на Уралѣ при Петрѣ имѣла то важное значеніе въ его жизни, что̀ была поводомъ къ посылкѣ его въ Швецію для изученія горнаго и монетнаго дѣлъ, а также мануфактуръ, найма въ русскую службу разныхъ мастеровъ и помѣщенія русскихъ учениковъ на шведскіе горные заводы; кромѣ того, онъ долженъ былъ „смотрѣть и увѣдомиться о политическомъ состояніи, явныхъ поступкахъ и скрытныхъ намѣреніяхъ онаго государства". Само собою разумѣется, что такой любознательный человѣкъ какъ Татищевъ, кромѣ исполненія данныхъ ему порученій, умѣлъ воспользоваться пребываніемъ въ Швеціи и для расширенія собственныхъ знаній, особенно по предметамъ, начинавшимъ занимать его все болѣе и болѣе, то-есть, по географіи и исторіи. Изъ различныхъ бумагъ, относящихся къ этому времени, видно, какъ неустанна и многостороння была

его дѣятельность среди народа, въ продолжительной войнѣ съ которымъ русскіе люди только что прошли практическую школу военнаго искусства. Но Татищевъ пріѣзжалъ въ Швецію за другою наукой. Прибывъ въ Стокгольмъ 7-го декабря 1724 года, а возвратившись назадъ весною 1726 г., онъ, въ это сравнительно короткое время, побывалъ въ разныхъ мѣстахъ Швеціи, славившихся техническими постройками, посѣтилъ Упсалу съ ея университетомъ и библіотекой, съѣздилъ даже въ Копенгагенъ.

Не буду входить въ подробности о томъ, какъ Татищевъ, частію посредствомъ личнаго осмотра, частію въ бесѣдахъ съ знающими людьми, или же изъ книгъ и нарочно написанныхъ для него докладовъ, изучилъ до тонкости устройство горныхъ и другихъ заводовъ, разныхъ водяныхъ построекъ: каналовъ, шлюзовъ, портовъ и гаваней, при чемъ досталъ таблицу товаровъ, отпущенныхъ изъ Стокгольма въ 1723 году, намѣреваясь добыть такія же изъ другихъ портовъ. Всѣ свѣдѣнія о техническихъ и фабричныхъ постройкахъ онъ имѣлъ привычку заносить въ свои дневныя записки, отличавшіяся обстоятельнымъ изложеніемъ: таково, напримѣръ, описаніе Арборскаго канала и водоливной машины, изобрѣтенной механикомъ Бахмансономъ. Что касается монетнаго дѣла, то между бумагами Татищева, присланными изъ Швеціи, имѣются нѣсколько любопытныхъ записокъ объ исторіи его въ Европѣ и преимущественно въ Швеціи, о разныхъ способахъ чеканки серебряныхъ денегъ, объ извѣстной попыткѣ шведскаго правительства замѣнить ихъ мѣдными деньгами (платами и полуплатами), о ввозѣ и вывозѣ денегъ въ Швеціи, о бумажныхъ денежныхъ знакахъ, банковыхъ письмахъ и учрежденіи банка. Всѣ эти свѣдѣнія о техникѣ монетнаго дѣла и его исторіи пригодились впослѣдствіи Татищеву, когда онъ былъ совѣтникомъ въ московской монетной конторѣ. Но всего болѣе увлекся Татищевъ скандинавскими древностями, исторіею сѣверныхъ странъ и книжными и рукописными сокровищами Упсалы. Будучи знакомъ еще въ Россіи съ Страленбергомъ, долго жившимъ въ Сибири, и съ Генрихомъ Бреннеромъ, котораго встрѣчалъ въ Москвѣ, Татищевъ при ихъ посредствѣ сблизился съ упсальскимъ профессоромъ Бензеліусомъ и секретаремъ коллегіи древностей Эрикомъ Юліемъ Біорнеромъ. Получивъ отъ нихъ роспись славяно-русскихъ книгъ, находившихся въ упсальской библіотекѣ, конспектъ русскихъ древностей, извлеченныхъ изъ готскихъ и исландскихъ исторій на латинскомъ языкѣ и „Краткое содержаніе Россійской Исторіи", составлявшейся Біорне-

ромъ, Татищевъ отослалъ ихъ въ Петербургъ къ кабинетъ-секретарю Черкасову. Онъ и самъ написалъ въ это время упомянутую мною статью о мамонтовой кости, напечатанную тогда же въ „Acta literaria Sueciae" (1725), на латинскомъ языкѣ въ видѣ письма къ Бензеліусу. Въ этой статьѣ сообщены были свѣдѣнія о мѣстонахожденіи, величинѣ и вѣсѣ попадавшихся въ Сибири остаткахъ мамонта и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣнія различныхъ ученыхъ объ этомъ предметѣ.

Любопытство Татищева возбуждено было также богатствомъ ландкартъ, составленныхъ на средства шведскаго правительства и обнимавшихъ всѣ земли королевства: „Сіе не дивно, что самовластные государи столько въ томъ пользы показали, писалъ потомъ Татищевъ въ одномъ изъ примѣчаній къ своей „Исторіи Россійской"; но паче всего въ авизіяхъ шведскихъ видимъ, что статы государственные на сеймѣ взявшемуся обстоятельную географію сочинить не малое награжденіе учинили". Представлялось при этомъ Татищеву, какъ полезно было бы подобное дѣло и для Россіи, о чемъ онъ и сообщилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Черкасову, прося однакожъ не разглашать о томъ, пока не узнаетъ мнѣніе государыни, ибо такое дѣло потребовало бы не малыхъ расходовъ: „Я слышалъ, писалъ онъ, что королю шведскому сочиненіе лифляндскихъ землемѣрій и картъ нѣсколько сотъ тысячъ стоило; удивляюсь, изъ чего оное произошло. Я же не могу думать, чтобъ въ россійскомъ столь великомъ государствѣ казенныхъ денегъ 20,000 руб. издержать возможно было, но и то въ короткое время съ удовольствомъ народа возвратиться имѣетъ".

Во время пребыванія въ Швеціи, въ Татищевѣ сказался глубокій почитатель Петра I; въ его жалобахъ на скупость бергъ-коллегіи, у которой онъ просилъ денегъ на пріобрѣтеніе чертежей, книгъ и машинъ, слышалась увѣренность, что Петръ не пожалѣлъ бы расходовъ для столь великой пользы государства: „Хотя я здѣшнее строеніе, говорилъ онъ, прилежно осматриваю и могу сказать каждодневно смотрю, не могу всего высмотрѣть, ибо такое множество преизрядныхъ, хитростныхъ и великихъ машинъ, что невозможно въ три или четыре мѣсяца внятно описать.... Я здѣсь такія искусныя и весьма государству полезныя машины видѣлъ, что дивиться міру надобно.... Ежели бъ я имѣлъ деньги оныя купить, воистинно для пользы отечества и славы нашей государыни не жалѣлъ бы всего отеческаго имѣнія положить, ежели бъ возможность только имѣлъ.

Но .... такихъ дѣлъ трубкою табака не сдѣлаешь, а особливо здѣсь, гдѣ деньги наче лучшаго доктора желаніе и требованіе внушить могутъ".

Пребываніе Татищева въ Швеціи имѣло несомнѣнное вліяніе на его занятія русскою исторіей, ибо, возвратившись на родину, онъ, по собственному его признанію, приступилъ съ 1727 года къ составленію свода накопившихся у него историческихъ извѣстій о древней Россіи. А между тѣмъ шли своею очередью и служебныя порученія. Въ февралѣ 1727 года Татищевъ былъ посланъ въ Москву на ревизію монетнаго двора, изъ коего выпускались монеты, хотя одного и того же имени, но разнаго вѣсу и пробы, и кромѣ того, замѣчалась пропажа золота, серебра и инструментовъ для дѣланія денегъ. Татищеву велѣно было изслѣдовать расхищеніе денегъ и припасовъ, арестовать виновныхъ въ томъ и приступить къ выдѣлкѣ денегъ однообразной формы и достоинства. Ознакомившись съ исторіей монетнаго дѣла еще въ Швеціи, Татищевъ поспѣшилъ изучить слабыя стороны московскихъ монетныхъ порядковъ, и результатомъ этого изученія были два заявленія, въ которыхъ онъ представлялъ о необходимости изъять изъ обращенія старыя мѣдныя копѣйки и передѣлать ихъ по новому образцу, пятикопѣечники впредь не чеканить, собравъ старыя серебряныя копѣсчки, передѣлать ихъ въ гривенники и болѣе крупную монету; отъ подрядчиковъ же, доставлявшихъ матеріалъ для монетнаго двора, принимать только иноземное серебро. Верховный тайный совѣтъ не согласился на уничтоженіе серебряныхъ копѣекъ и на прекращеніе чеканки пятикопѣечниковъ и даже оставилъ за подрядчиками право представлять на монетный дворъ серебро старыми ходячими деньгами по указной цѣнѣ. Возраженіе Татищева, что такое распоряженіе доставитъ большія выгоды подрядчикамъ, а не казнѣ, не было принято во вниманіе. Составлена была при монетной конторѣ особая коммиссія о монетномъ дѣлѣ, въ которую Татищевъ и представилъ въ ноябрѣ 1730 года мнѣніе о новой системѣ выдѣлки монеты, докладывавшееся въ сенатѣ 1-го декабря. Сенатъ потребовалъ новыхъ справокъ отъ конторы и ея заключеній на мнѣніе Татищева. Контора имѣла нѣсколько засѣданій: Татищевъ остался въ меньшинствѣ и, какъ самъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, „принужденъ былъ слышать едва не отъ всѣхъ, яко бы худая монета и безпорядочные продукты оной не вредительны". Признаваясь, что у него охота къ дѣлу умаляется отъ такихъ рѣчей, онъ тѣмъ не менѣе представилъ новое разсужденіе о

томъ: „есть ли польза монету россійскую удобрить, а низкую истребить". Сославшись на распоряженія Петра, на мнѣнія графа Брюса и барона Любраса, на представленія самой монетной конторы, въ которыхъ она держалась другихъ мнѣній при Петрѣ, на примѣры Англіи, Швеціи и Франціи, на монетный уставъ нѣмецкой имперіи и даже на французскія сочиненія о монетномъ дѣлѣ, Татищевъ предлагалъ таблицу сравнительныхъ цѣнъ золота и серебра въ различныхъ европейскихъ государствахъ, доказывалъ, что русскіе казначеи и подъячіе, которые ни мало не знаютъ ариѳметики, производятъ великую конфузію въ счетахъ при передѣлкѣ монеты; приводилъ нѣсколько примѣровъ и случаевъ того вреда, который терпитъ казна въ Россіи отъ не установившейся монетной системы, и въ заключеніе представлялъ цѣлый рядъ расчетовъ о вѣсѣ, количествѣ и цѣнности новой монеты соотвѣтственно различнымъ пробамъ разноколиберной старой, если послѣднюю признаютъ возможнымъ передѣлывать согласно его мнѣнію. Планъ Татищева не былъ приведенъ въ исполненіе.

Въ то самое время, какъ Татищеву приходилось заниматься монетнымъ вопросомъ, онъ долженъ былъ принимать дѣятельное участіе въ событіяхъ необыкновенной важности, имѣвшихъ вліяніе на характеръ всего царствованія Анны Іоанновны. Я разумѣю его участіе въ борьбѣ дворянства или, какъ тогда говорили, шляхетства противъ замысла верховниковъ ограничить власть императрицы. Кончина Петра II вызвала вопросъ о главѣ государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ явилась мысль и о самомъ характерѣ верховной власти. Мысль эта принадлежала князю Д. М. Голицыну. Представитель знатнѣйшей фамиліи, онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ при Петрѣ Великомъ тѣмъ, что былъ отстраненъ отъ первыхъ мѣстъ людьми худородными. Онъ думалъ было воспользоваться кончиной Петра I, чтобы, возведя на престолъ сына царевича Алексѣя, перемѣнить установившіеся порядки, но по прежнему остался въ тѣни: сперва Меньшиковъ, потомъ Долгорукіе захватили вліяніе на государственныя дѣла. Голицыну предоставлена была честь засѣдать въ верховномъ тайномъ совѣтѣ; но вліяніемъ сперва на Екатерину I, потомъ на Петра II, а стало быть и на ходъ дѣлъ, пользовались другіе. Голицыну не хотѣлось болѣе зависѣть отъ кого бы то ни было, подчиняться чьему бы то ни было произволу; вотъ цѣль, къ которой онъ стремился. Къ тому же примѣръ былъ передъ глазами: въ Швеціи въ то время королевская власть была ограничена, аристократія господствовала въ управ-

ленія. Обстоятельства, въ которыхъ очутилась Россія по смерти Петра II, благопріятствовали по видимому тому же: кандидатокъ на престолъ было много, можно было любой изъ нихъ предложить власть, хотя бы и съ условіями; отказа навѣрное не послѣдовало бы. Всѣ онѣ были въ положеніи Ульрики Елеоноры. Эта мысль такъ овладѣла умомъ Д. М. Голицына, что онъ не успѣлъ обдумать всѣхъ обстоятельствъ, не успѣлъ отдать себѣ отчета, на какой почвѣ онъ стоитъ. Онъ не сообразилъ, что замѣченное имъ въ шведской жизни явленіе имѣло твердыя основанія, что тамъ аристократія сложилась вполнѣ въ цѣльное сословіе и играла важную роль въ государствѣ потому, что опиралась на поддержку другихъ сословій. Мало того, Голицынъ не обдумалъ даже и той формы, въ которой должно было выразиться ограниченіе: и по характеру своему, и по преданіямъ фамильнымъ онъ былъ олигархъ, потому что считалъ власть достояніемъ только самыхъ знатныхъ родовъ и, исходя отъ этого убѣжденія, рѣшилъ ограничить будущую императрицу однимъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, да и въ немъ хотѣлъ сосредоточить какъ можно меньшее число фамилій. Еслибы Голицынъ, не увлекаясь неподходящимъ примѣромъ Швеціи, обратился къ исторіи славянскаго государства, сосѣдняго съ Россіей, и вспомнилъ, какъ при послѣднемъ изъ Ягеллоновъ, Сигизмундѣ Августѣ, противъ замысловъ вельможнаго магнатства, стремившагося въ конецъ ослабить королевскую власть, выступила шляхта, то предъ нимъ открылась бы та опасность, къ которой привело впослѣдствіи Польшу исключительное господство въ ея политической жизни магнатовъ и самой шляхты, ставшихъ особнякомъ отъ горожанъ и сельчанъ въ области политическихъ правъ и интересовъ. По тому же почти пути увлекаема была и Россія планами кн. Д. М. Голицына и немногихъ приставшихъ къ нему. Извѣстно, что и между верховниками нашелся возражавшій Голицыну; то былъ князь В. Л. Долгорукій, предусмотрительно замѣтившій: „хоть и зачнемъ, да не удержимъ". Какъ бы то ни было, Анна Іоанновна была избрана подъ условіемъ, чтобъ она безъ согласія верховнаго тайнаго совѣта не начинала войнъ, не заключала мира, не издавала законовъ, не имѣла права выходить замужъ и назначать наслѣдника престола, не распоряжалась государственною казной, не давала чиновъ выше полковника, при чемъ всѣ войска были бы въ распоряженіи совѣта. Анна Іоанновна приняла эти своего рода pacta conventa, что̀ и возбудило волненіе умовъ въ средѣ шляхетства, не участвовавшаго въ замыслахъ верховниковъ: болѣе всего возмущались стремленіемъ Голицына огра-

ничить власть Анны Іоанновны исключительно въ пользу верховнаго тайнаго совѣта. Этимъ особенно оскорбились тѣ знатныя фамиліи, которыя не имѣли своихъ представителей въ совѣтѣ; къ нимъ присталъ сенатъ, къ сенату—генералитетъ, состоявшій большею частію изъ людей новыхъ, къ генералитету—синодъ, а за тѣмъ уже послѣдовало и остальное шляхетство. Начались тайныя совѣщанія и переговоры и при этомъ выдвинулись впередъ люди, владѣвшіе перомъ и считавшіеся знатоками русской исторіи: желавшими возвратиться безусловно къ прежнимъ порядкамъ руководилъ отчасти Ѳеофанъ Прокоповичъ; выразителемъ желаній тѣхъ людей, которые, возстановляя верховную власть, считали нужнымъ просить объ улучшеніи нѣкоторыхъ сторонъ управленія, явился Татищевъ. Имъ составлено было „Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государства". Въ этомъ мнѣніи верховники упрекались за то, что „дерзнули собою единовластительство отставить, а ввести аристократію, выключа достоинство и преимущество всего шляхетства и другихъ сановъ". Затѣмъ въ мнѣніи доказывалось, что „къ премѣненію правительства ни какой нужды, ни пользы нѣтъ, развѣ великій вредъ". Коснувшись теоретическихъ понятій о монархіи, аристократіи, демократіи и смѣшанныхъ правленіяхъ, Татищевъ вкратцѣ изложилъ исторію верховной власти въ Россіи отъ временъ Рюрика, при чемъ замыслы верховниковъ приравнялъ къ „коварному" избранію Василія Шуйскаго, правленіе котораго, по его мнѣнію, было самымъ несчастнымъ для Россіи, какъ во внѣшнихъ, такъ и во внутреннихъ дѣлахъ. Эта мысль повторяема была Татищевымъ и въ другихъ его сочиненіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что историческая часть разсужденія принадлежала Татищеву, хотя и выражала также и взгляды людей, подписавшихъ его мнѣніе. На сколько онъ свободенъ былъ въ своемъ изложеніи, судить теперь трудно; но нельзя не указать на крупное противорѣчіе между однимъ историческимъ показаніемъ въ мнѣніи шляхетства и свидѣтельствомъ о томъ же событіи въ другомъ сочиненіи Татищева, писанномъ единственно въ интересахъ раскрытія исторической истины. „Произвольное мнѣніе шляхетства", упомянувъ о записи, данной на себя при избраніи на царство Василіемъ Шуйскимъ, прибавляетъ: „царя Михаила Ѳедоровича, хотя избраніе было порядочно всенародное, да съ такою же записью, чрезъ что онъ не могъ ничего учинить, но радъ былъ покою". Между тѣмъ, въ „Примѣчаніяхъ на сочиненіе Страленберга о сѣверныхъ и восточныхъ странахъ Европы и Азіи"

(изданное въ томъ же 1730 году) объ избраніи Михаила Ѳеодоровича говорится иначе. Страленбергъ упомянулъ (стр. 209) о договорѣ съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ; Татищевъ замѣтилъ по этому поводу: „оное мнѣ весьма чуждо, ибо нигдѣ въ исторіяхъ того не видалъ и отъ людей жившихъ въ тѣ времена (не слыхалъ), а именно дѣдъ мой при томъ въ Москвѣ былъ и, часто о дѣлахъ оныхъ пространно сказывая, сего никогда не упоминалъ; наипаче же грамота, ему отъ народа данная, именно показуетъ, что ему всю власть предковъ его оставили, и ни коего договора не включено". „Произвольное мнѣніе" важно для насъ еще указаніемъ на тѣ мѣры, которыя шляхетство считало необходимымъ для усиленія правительственной дѣятельности и для блага различныхъ сословій. Такъ, предлагалось учрежденіе высшаго совѣта при императрицѣ изъ 21 персоны, а для дѣлъ внутренней экономіи особое собраніе изъ 100 персонъ, изъ коего для разсмотрѣнія обычныхъ дѣлъ собиралась бы по очереди только треть на четыре мѣсяца, а для разсмотрѣнія важныхъ дѣлъ или чрезвычайныхъ—общее собраніе три раза въ годъ. Высказываемо было желаніе, чтобы назначеніе на важныя должности происходило посредствомъ баллотировки высшимъ совѣтомъ и помянутымъ общимъ собраніемъ вмѣстѣ, при чемъ для баллотировокъ на гражданскія должности приглашались бы также президенты коллегій, а въ военныя—генералитетъ, чтобы въ одномъ и томъ же учрежденіи не служили ближніе сродники, а въ высшемъ совѣтѣ лица изъ одной фамиліи; чтобы въ тайной канцеляріи присутствовали помѣсячно два сенатора; чтобы прежде изданія какого бы то ни было закона, проектъ его разсматривался сперва во всѣхъ подлежащихъ коллегіяхъ, потомъ въ высшемъ правительствѣ. Были также высказаны желанія, касавшіяся сословныхъ интересовъ. Предлагалось сдѣлать роспись шляхетства во всемъ государствѣ, чтобы отдѣлить подлинное шляхетство отъ выслужившагося изъ солдатъ, однодворцевъ и подьячихъ; послѣднихъ, хотя бы они и владѣли деревнями, слѣдовало записать въ особую книгу. Извѣстно, что подобную же мысль объ отдѣленіи родоваго дворянства отъ выслужившагося отстаивалъ съ большою энергіей въ екатерининской коммиссіи о новомъ уложеніи другой русскій историкъ князь М. М. Щербатовъ. Изъ остальныхъ желаній, касавшихся шляхетства, устройство училищъ для приготовленія шляхетскихъ дѣтей къ службѣ, сокращеніе сроковъ ея и отмѣна закона Петра о майоратѣ были исполнены при Аннѣ Іоанновнѣ. Отмѣна майората не заставила себя ждать; вскорѣ учрежденъ былъ и шля-

хетскій корпусъ; а въ 1736 году опредѣлены сроки для военной службы. Объ интересахъ духовенства и купечества въ разсужденіи Татищева упомянуто было лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ: сказано было объ учрежденіи духовныхъ школъ и разсмотрѣніи расходовъ духовенства, да объ увольненіи купечества отъ постоевъ и размноженіи мануфактуръ и торговли. Нѣтъ надобности утверждать, что высказанныя въ „Произвольномъ мнѣніи" желанія были предложены Татищевымъ лишь по его единоличному убѣжденію въ ихъ необходимости.

Два мѣсяца спустя Татищевъ исполнялъ обязанности оберъ-церемоніймейстера при коронованіи Анны Іоанновны, иначе говоря, былъ вторымъ чиномъ въ церемоніалѣ, потому что оберъ-маршаломъ былъ генералъ-фельдмаршалъ князь М. М. Голицынъ. Татищеву выпало на долю извѣстить о днѣ празднества принцессъ Императорскаго дома, участвовать въ перенесеніи регалій и предшествовать коронаціонной процессіи, обошедшей кремлевскіе соборы, а равно распоряжаться при торжественномъ столѣ, во время коего онъ выходилъ въ сопровожденіи назначенныхъ для того лицъ за каждою перемѣною кушаньевъ. При всѣхъ празднествахъ, продолжавшихся семь дней, онъ долженъ былъ присутствовать и руководить представленіемъ государынѣ знатныхъ особъ гражданскаго и духовнаго чина. При представленіи иноземныхъ пословъ каждаго въ отдѣльности, онъ чинилъ „колѣнный поклонъ", а по произнесеніи ими поздравительной рѣчи провожалъ каждаго за двери сѣней. При поѣздкѣ въ Головкинскій дворецъ ѣхалъ верхомъ; на всѣхъ обѣдахъ и балахъ онъ былъ не столько гостемъ, сколько исполнителемъ обязанностей, лежавшихъ въ тѣ дни на оберъ-церемоніймейстерѣ. Есть основаніе думать, что до самаго переѣзда императрицы въ Петербургъ, что̀ произошло только въ концѣ 1731 года, Татищевъ состоялъ при дворѣ, сохраняя званіе оберъ-церемоніймейстера. Такъ, въ письмѣ къ дочери, бывшей замужемъ за Римскимъ-Корсаковымъ, изъ Москвы въ ея деревню 19 іюля 1731 г. Татищевъ просилъ прислать за нимъ скорѣе лошадей: „когда оныхъ получу, буду у Ея Величества къ вамъ проситься, а не получа лошадей проситься нельзя, ибо по отпускѣ надо тотчасъ ѣхать, дабы не просрочиться"; а въ письмѣ отъ 27 августа того же года и тому же лицу читаемъ: „болѣе писать не имѣю времени, понеже слышу царицы Евдокеи Ѳедоровны не стало и зовутъ меня сейчасъ въ дворецъ". У Татищева было и особое порученіе отъ императрицы. Послѣ коронованія онъ долженъ былъ издать описаніе всѣхъ сопровождавшихъ оное

торжествъ въ 1200 экземплярахъ и особенно наблюдать за изготовленіемъ чертежей и рисунковъ, исполнить которые должна была академія наукъ. Вслѣдствіе этого между Татищевымъ, академіей и ея библіотекаремъ Шумахеромъ завязалась переписка, продолжавшаяся до конца 1732 года, ибо лишь къ тому времени окончились всѣ расчеты по означенному изданію.

Но и послѣ того Татищевъ уже не прекращалъ своихъ сношеній съ академіею и съ нѣкоторыми изъ ея членовъ, особенно же съ Шумахеромъ, чрезъ коего онъ постоянно пополнялъ свою библіотеку иностранными книгами и изданіями академіи. Тогда же Татищевъ познакомился съ академикомъ нравоучительной философіи Христіаномъ Гроссомъ, изъ письма коего къ академику же Байеру, извѣстному своими изслѣдованіями о скиѳахъ и сарматахъ, о варягахъ и сѣверныхъ древностяхъ вообще, узнаемъ, что Татищевъ искалъ грека, который былъ бы въ состояніи сравнить печатное изданіе сочиненія Филона съ старинною рукописью, хранившеюся въ Московской патріаршей библіотекѣ, и выписать изъ нея варіанты. Татищевъ хотѣлъ взять эту рукопись изъ библіотеки съ разрѣшенія Прокоповича, отдавъ въ залогъ какую-либо свою, а рукопись Филона отправить къ Байеру. Едва ли Татищевъ не былъ единственнымъ изъ русскихъ современниковъ Байера, усердно изучавшимъ его изслѣдованія, хотя онъ пользовался ими не безъ предварительной провѣрки русскими источниками. Но и помимо академиковъ у Татищева были въ то время уже обширныя связи съ людьми, принадлежавшими къ обществу, но занимавшимися русскою исторіей не столько изъ любознательности, сколько изъ политическихъ побужденій. Событія 1730 года не напрасно сблизили Татищева съ русскими людьми, пользовавшимися вліяніемъ среди современниковъ и славившимися своимъ образованіемъ. Татищевъ особенно любилъ разсуждать съ ними о необходимости распространить просвѣщеніе въ русскомъ народѣ. Плодомъ этихъ бесѣдъ и былъ написанный имъ въ 1733 году „Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ". Ближайшимъ поводомъ къ его составленію послужили бесѣды съ кн. Сергѣемъ Долгорукимъ, кн. А. М. Черкасскимъ, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и нѣкоторыми академиками.

Этотъ разговоръ есть одно изъ важнѣйшихъ сочиненій Татищева, какъ выражающее полнѣе другихъ его взгляды на отношенія русскаго общества къ наукѣ и просвѣщенію. При томъ же оно есть единственное сочиненіе Татищева, которое по своей формѣ можетъ быть на-

звано литературнымъ произведеніемъ. Разговоръ открывается сомнѣніемъ одного изъ собесѣдниковъ въ пользѣ посылки за границу другимъ участникомъ въ бесѣдѣ, сторонникомъ наукъ, сына своего для образованія. Послѣдній защищается, говоря, что, отлуча сына на время отъ себя, онъ потомъ будетъ вознагражденъ тѣмъ, что разумъ сына обогатится свѣдѣніями, а способности направятся къ внутреннему совершенствованію: „разумный же человѣкъ, не взирая на другихъ объ немъ мнѣнія, самъ всѣмъ доволенъ и совѣстію спокоенъ, а когда оное пріобрѣлъ, то ему равно, какъ бы онъ всея земли владѣтель былъ". Изъ начавшагося такимъ образомъ разговора мало по малу выясняются предъ читателемъ взгляды Татищева на значеніе науки въ дѣлѣ образованія молодаго поколѣнія, на необходимость училищъ для благоустроеннаго государства и даже на ходъ умственнаго развитія всего человѣчества въ лицѣ историческихъ народовъ. Такая благодарная тема даетъ возможность Татищеву обогатить разговоръ разнообразными эпизодами изъ всемірной исторіи; чѣмъ онъ и пользуется, высказывая предъ читателемъ свои богословскіе, философскіе, политическіе, историческіе и т. п. взгляды и понятія, не всегда впрочемъ самостоятельные и нерѣдко заимствованные изъ бывшихъ извѣстными ему энциклопедическихъ словарей, преимущественно нѣмецкихъ.

Прежде всего онъ внушаетъ своему собесѣднику, что главная наука есть познаніе самого себя, въ своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ свойствахъ, чрезъ чтд человѣкъ приводится къ настоящему и будущему благополучію. Эта основная мысль ведетъ къ разсужденіямъ объ отношеніяхъ между тѣломъ и душою, о ихъ свойствахъ и силахъ, о мѣстопребываніи души въ тѣлѣ и моментѣ, когда душа приходитъ въ рождающееся тѣло, о разумѣ, умѣ и волѣ. Татищевъ признаетъ силы или дѣйства ума: поятность (воображеніе), память, догадку или смыслъ и сужденіе (разсужденіе). Какъ опредѣленіе этихъ свойствъ ума, такъ и объясненіе различій между ними заимствованы Татищевымъ изъ „Философскаго Лексикона" І. Г. Вальха (Ioh. Georg Walchs Philosophisches Lexicon, въ двухъ большихъ частяхъ).

Не лишне будетъ замѣтить, что Татищевъ въ своихъ философскихъ взглядахъ былъ послѣдователемъ Декарта и Томазія; въ политическихъ убѣжденіяхъ главными наставниками его были Вольфъ, Пуфендорфъ и Гуго Гроцій. Онъ самъ въ 45 гл. 1 книги своей „Исторіи Россійской" говоритъ: „что касается до начала сообществъ, порядковъ, правительствъ и должности правителей и подданныхъ,

оное собственно принадлежитъ до философіи, въ частяхъ морали или нравоученія, закона естественнаго и политики, которое отъ разныхъ философовъ достаточно на разныхъ языкахъ описано, и по моему Христіанъ Вольфъ лучше прочихъ, то-есть, внятно предалъ; но оныхъ на нашъ языкъ не передано и кромѣ Пуфендорфовой политики и морали въ книжицѣ о человѣкѣ и гражданинѣ въ печати не имѣемъ, противно тому письменныхъ, но не потребныхъ, съ излишкомъ, яко Макіавелева о князѣ, Гобезіева Левіатанъ, Локка правленіе гражданское, Боккалинова и тому подобные, болѣе вредительные, нежели полезные находятся".

Знакомясь непосредственно съ сочиненіями названныхъ писателей, находившимися отчасти въ подлинникахъ, отчасти въ переводахъ въ его собственной библіотекѣ, Татищевъ черпалъ, кромѣ того, нужныя ему свѣдѣнія изъ наиболѣе извѣстныхъ тогда энциклопедій по разнымъ отраслямъ наукъ, и его выборъ въ этомъ отдѣлѣ литературы обнаруживаетъ или участіе хорошихъ совѣтниковъ, или собственную опытность. Для исторіи у него былъ лексиконъ Буддея (Ioh. Fr. Buddeus, родился 25 іюня 1667 года, умеръ 18 ноября 1729 года, былъ редакторомъ перваго изданія всеобщаго историческаго лексикона) и Морери (Lud. Moreri родился въ 1643 году, умеръ 10 іюля 1680 г., его Новый историческій лексиконъ составленъ въ сотрудничествѣ многихъ ученыхъ), а также Бейля (Pierre Bayle родился 18 ноября 1647 г., умеръ 28 декабря 1706, извѣстенъ былъ въ свое время какъ острый критикъ и издатель Dictionnaire historique et critique); по географіи Мартиньера (Le Grand Dictionnaire geographique et critique par Brusen La Martiniere, t. I—X, 1726—1739), а по исторіи наукъ вообще и ихъ литературы лексиконъ Іохера (Christ. Gottlieb Jocher, Allgemeines Gelehrten Lexicon). Но для насъ особенно любопытенъ уже помянутый „Философскій Лексиконъ" Вальха (родился 1656 г., умеръ 5 октября 1722 г.), какъ послужившій для Татищева пособіемъ при его знакомствѣ съ ученіями древнихъ, средневѣковыхъ и новыхъ философовъ. А такъ какъ кругъ философской дисциплины въ то время захватывалъ почти всѣ области человѣческаго знанія, то Вальхъ былъ руководителемъ Татищева и въ различныхъ его сужденіяхъ о вопросахъ и предметахъ, о коихъ тогда трактовали богословы, моралисты, философы, политики, юристы, математики, астрономы и даже географы. Татищевъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ ссылается на лексиконъ Вальха не часто; есть, напримѣръ, указанія на него въ „Исторіи

Россійской". Но всѣ опредѣленія различныхъ философскихъ и политическихъ понятій и представленій, а иногда и историческія объясненія ихъ, въ „Разговорѣ" заимствованы Татищевымъ большею частію изъ названнаго лексикона. И дѣйствительно, трудъ Вальха былъ въ то время хорошимъ пособіемъ. Его лексиконъ не былъ только словаремъ, объясняющимъ термины, принятые тогда въ философіи и метафизикѣ: въ немъ хронологически излагались философскія ученія о предметахъ и вопросахъ изъ всѣхъ извѣстныхъ началу XVIII вѣка наукъ и объяснялись относящіеся къ нимъ термины. Кругъ знаній, къ коимъ принадлежали объясняемые вопросы и термины, захваченъ былъ очень широко; въ него входили: логика, метафизика, физика, пневматологія, мораль, этика, юриспруденція, политика, экономія, исторія и географія со всѣми ихъ вспомогательными науками, филологія, музыка и вообще всякаго рода свѣдѣнія, которыя авторъ называетъ общимъ именемъ humaniora. Кромѣ того, лексиконъ Вальха не отказался и отъ изложенія различныхъ отраслей домоводства и экономіи. По мнѣнію Вальха, вообще не существуетъ знаній, которыя бы выходили за границы философіи. При такомъ содержаніи лексиконъ его, благодаря замѣчательной начитанности автора, точному изложенію приводимыхъ имъ ученій и яснымъ выводамъ изъ нихъ самого автора, не былъ простою компиляціей. Онъ весь написанъ въ одномъ направленіи; писавшій его въ большинствѣ своихъ мнѣній былъ послѣдователь Декарта. Онъ смѣется надъ педантизмомъ въ средневѣковой философіи, надъ ея схоластическими и въ особенности метафизическими мудрованіями. „У меня нѣтъ вкуса къ такимъ причудамъ", говоритъ онъ на одной изъ страницъ своего лексикона. Признавая, что познаніе каждаго предмета и вопроса можетъ восходить или на степень возможности, или на степень достовѣрности, онъ излагаетъ приводимыя имъ мнѣнія разныхъ писателей съ откровенною оцѣнкою прочности или непрочности тѣхъ основаній, на которыхъ они покоились. Онъ сознается, впрочемъ, что далеко не всѣ вопросы и предметы подвергнуты были въ то время философскому изученію; въ такихъ случаяхъ въ своихъ объясненіяхъ ихъ онъ приводилъ лишь тѣ данныя, которыя встрѣчались въ его источникахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вальхъ, по собственному его признанію, старался избѣгать въ своей энциклопедіи излишнихъ подробностей и не посвящалъ читателя во всѣ мелочные споры приводимыхъ имъ писателей, если эти споры касались какихъ-либо частностей объясняемаго вопроса или предмета. Сличеніе Татищевскаго разговора о пользѣ наукъ и училищъ съ лексико-

номъ Вальха убѣдило меня въ томъ, что въ разговорѣ есть цѣлыя мѣста, прямо переведенныя изъ названнаго лексикона. Вліяніе энциклопедіи Вальха на Татищева важно для насъ въ двухъ отношеніяхъ: ясность и твердость нѣкоторыхъ мнѣній Татищева, особенно по вопросамъ богословскимъ, философскимъ и политическимъ, конечно, имѣвшія своимъ источникомъ и личныя наклонности и дарованія Татищева, нашли себѣ однакожъ опору и въ томъ направленіи, какое строго выдержано въ лексиконѣ Вальха. Въ то же время заимствованія Татищева изъ этого источника любопытны для насъ, какъ одна изъ первыхъ попытокъ передать на русскомъ языкѣ разныя философскія понятія и опредѣленія.

Такъ, отсюда имъ взято въ „Разговорѣ о пользѣ наукъ" и ученіе о волѣ человѣка и ея склонностяхъ. Для большей отчетливости изображенія этихъ склонностей, Татищевъ вдается въ пространныя разсужденія объ умѣренности и избыточествѣ противъ надлежащаго, изъ коихъ первое ведетъ къ добродѣтелямъ, а второе къ злодѣяніямъ. Основываясь на томъ, что душа совершенна, совопросникъ защитника наукъ выводитъ изъ того заключеніе о ненужности ученія, о превосходствѣ естественнаго состоянія надъ культурнымъ, ссылается при этомъ и на животныхъ, которыя могутъ быть благополучны естественнымъ порядкомъ безъ наученія. Такой запросъ возбуждаетъ горячій протестъ со стороны защитника наукъ, въ лицѣ котораго скрывается конечно самъ авторъ, и разговоръ съ этой минуты замѣтно оживляется: „Ай, мой господинъ! Ваше мнѣніе весьма истины отдаляется, и я мню, что вы сіе токмо по остроумію вашему сшутили, а не истинное мнѣніе объявили", говоритъ онъ и затѣмъ сыплются доказательства крайнихъ недостатковъ человѣка при началѣ его бытія. Далѣе рѣчь идетъ о различныхъ возрастахъ человѣка: младенчествѣ, юношествѣ, мужествѣ и старости, причемъ изображаются какъ физическія, такъ и психическія перемѣны, совершающіяся въ человѣкѣ при переходѣ изъ одного возраста въ другой. При изображеніи физическихъ свойствъ человѣка авторъ держится господствовавшаго тогда въ медицинскихъ наукахъ ученія о темпераментахъ и о физіологическомъ дѣйствіи влагъ, или, какъ онъ выражается, мокротъ въ тѣлѣ человѣка въ различные его возрасты. Рѣчь о возрастахъ человѣка естественно приводитъ къ разговору о возрастахъ всего міра, о возрастахъ рода человѣческаго. Обрѣтеніе письма, пришествіе Іисуса Христа на землю, изобрѣтеніе книгопечатанія, вотъ тѣ предѣлы, которыми, по мнѣнію Татищева, отдѣляются возрасты человѣчества. Извѣстно, что эту

мысль онъ не разъ высказывалъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, въ томъ числѣ и въ „Предъизвѣщеніи" къ исторіи. Совопросникъ однакожъ не удовлетворился однимъ только внѣшнимъ раздѣленіемъ возрастовъ человѣчества, выразившихся въ его исторіи, но потребовалъ и характеристики ихъ, кто были лучшіе философы въ каждомъ изъ этихъ возрастовъ и чему учили? Какая перемѣна пришествіемъ Христовымъ въ наукахъ явилась! Когда и какое исправленіе въ наукахъ обрѣтеніемъ тисненія книгъ явилось? Въ отвѣтахъ, данныхъ на эти вопросы, представленъ бѣглый очеркъ не только философскихъ ученій отъ Пиѳагора до Пуфендорфа, но и религіозныхъ вѣрованій у разныхъ народовъ, указаны отступленія римской церкви отъ повелѣнія проповѣдать Слово Божіе всѣмъ народамъ на ихъ языкѣ и на преслѣдованіе ею нѣкоторыхъ философскихъ ученій, которыя однакожъ мало по малу, особенно въ эпоху книгопечатанія, восторжествовали въ лицѣ Гуго Гроція, Пуфендорфа, Декарта, Коперника, Галилея и Тихо-де-Браге. Чрезъ книгопечатаніе же „философіи многіе способы ко испытанію и дознанію не дознанныхъ прежде свойствъ обрѣтены: яко трубы зрительныя, микроскопіи, зеркала зажигательныя, насосы водяные, трубы воздушныя и многіе не исчетныя къ способности работъ машины, якоже и самые часы весьма въ лучшее и порядочное состояніе приведены; что же сказать объ орудіяхъ военныхъ и математическихъ, о строеніи домовъ, крѣпостей и водныхъ великихъ городовъ или кораблей, то видя и къ прежнему примѣня всякъ скажетъ, что тиснѣніе книгъ великій свѣтъ міру открыло и не описанную пользу приноситъ, и тако сей настоящій вѣкъ началомъ старости благоразумной или совершенному мужеству примѣнить можно". На это возражатель, не отвергая научныхъ успѣховъ, отвѣчалъ указаніемъ на другаго рода сомнѣніе въ пользѣ наукъ; онъ слыхалъ отъ многихъ духовныхъ и богобоязненныхъ людей, что науки человѣку вредительны и пагубны своимъ сладкорѣчіемъ и толками. Защитникъ наукъ отвѣчалъ, что надо отличать ложную мудрость и философію отъ истинно научной, назвалъ не мало отцевъ церкви, не только изучавшихъ философію, но и писавшихъ философскіе трактаты, и въ заключеніе рѣзко напалъ на римскихъ епископовъ, враждовавшихъ съ наукой и философіей, но впавшихъ во всѣ мірскіе пороки. Онъ соглашался, что и ересіархи и творцы зловѣрія не были простаками и людьми неучеными, но видѣлъ въ большинствѣ ихъ людей, способныхъ къ софизмамъ, т. е. неправильно наклоняемымъ и за волосы натягаемымъ доводамъ. Однакожъ, большинство еретиковъ были заблуждавшіеся

невѣжды, въ доказательство чего Татищевъ ссылался на секты русскаго раскола. Вообще онъ былъ глубоко убѣжденъ, что науки и невѣжество ведутъ народы и государства къ различнымъ состояніямъ въ духовной и умственной жизни. Татищевъ старается доказать это и меньшимъ количествомъ преступленій въ сословіяхъ болѣе образованныхъ предъ сословіями необразованными, и большею наклонностію къ мятежамъ народовъ скудныхъ ученіемъ предъ народами, славящимися онымъ: „чего ради многіе благоразумные государи неусыпно о распространеніи наукъ прилежали". Но собесѣдникъ и тутъ сомнѣвается въ томъ, въ одинаковой-ли степени нужно и доступно ученіе для всѣхъ сословій. Считая подобнаго рода возраженіе макіавелистическимъ, Татищевъ не мало споритъ съ нимъ и заключаетъ свое возраженіе такими словами: еслибы противнику ученія „всѣхъ служителей, лакеевъ, конюховъ, поваровъ и дровосѣковъ всѣхъ опредѣлить дураковъ, а въ дворецкіе, конюшіе, стряпчіе и въ деревни прикащиковъ безграмотныхъ, то бы онъ узналъ, какой порядокъ и польза въ его домѣ явятся; я же радъ и крестьянъ имѣть умныхъ и ученыхъ". Не менѣе рѣшительно отвергаетъ Татищевскій защитникъ науки предполагаемый его собесѣдникомъ вредъ отъ нея политическому устройству государства, равно какъ и вредъ отъ существованія разныхъ религій въ ономъ. Не отъ наукъ вредъ, а отъ недостатка въ нихъ, не отъ разновѣрія подданныхъ, а отъ пребыванія ихъ въ суевѣріи, заключается, по мнѣнію Татищева, опасность государства, въ доказательство чего и приведено имъ нѣсколько примѣровъ изъ исторіи Западной Европы и Россіи. Послѣ этого разговоръ уже направляется на вопросъ о различной степени пользы, приносимой тѣми или другими науками. Въ этомъ отношеніи Татищевъ дѣлитъ ихъ на нужныя (рѣченіе—надо полагать грамотность или знаніе своего языка вообще, домоводство, врачевство, законоученіе, логика, богословіе), полезныя (грамматика, витійство или риторика, инородные языки, математика во всѣхъ ея отрасляхъ, исторія, естествоиспытаніе), щегольскія или увеселяющія (стихотворство, музыки или, какъ переводитъ Татищевъ, скоморошество, волтижированіе, живопись), любопытныя или тщетныя (астрологія или звѣздопровѣщаніе, физіогномика или лицезнаніе, хиромантія или рукознаніе, алхимія или дѣланіе золота), и вредныя (некромантія—чрезъ мертвыхъ провѣщаніе, аеромантія — воздуховѣщаніе, пиромантія — огневѣщаніе, гидромантія—водовѣщаніе, геомантія—землевѣщаніе и вообще волхвованіе, чернокнижество и колдовство). Изъ послѣднихъ отдѣловъ наукъ

видно, что въ разговорѣ подъ именемъ науки разумѣлись всякаго рода знанія, вообще обученіе чему-нибудь. Хотя самъ Татищевъ и признавалъ, что многія науки не одинаково полезны для всѣхъ людей, а болѣе для нуждающихся въ нихъ по своимъ занятіямъ или по общественному положенію, но высказываетъ и такое общее замѣчаніе: „кто что изъ полезныхъ наукъ ни знаетъ, все невидимо пользу приноситъ тѣмъ, что память, смыслъ и сужденіе исправляются". Можно сказать, что этими словами заканчивается та часть разговора, которая направлена въ защиту ученія вообще, далѣе (съ 56 вопроса по 120) идетъ уже, такъ сказать, историческая часть, представляющая отчасти очеркъ развитія наукъ и знаній у древнихъ и новыхъ народовъ, отчасти обозрѣніе развитія школъ и ихъ устройство въ разныхъ европейскихъ государствахъ, причемъ эпизодически въ отдѣлѣ, касающемся юридическихъ наукъ, разсматриваются вопросы о законѣ божественномъ и естественномъ, о правилахъ мудрости, благоговѣнія, справедливости, содружества и благоразумія, о политикѣ, о разныхъ образахъ правленія, о законахъ человѣческихъ: церковныхъ и гражданскихъ. Нельзя не замѣтить, что 101-й вопросъ, разъясняющій происхожденіе различныхъ образовъ правленія, напоминаетъ своимъ изложеніемъ составленное Татищевымъ „Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ", которое прочтено было 24 февраля 1730 года предъ Анной Іоанновной въ присутствіи членовъ верховнаго тайнаго совѣта и депутаціи, представлявшей шляхетство. Въ 110-мъ вопросѣ излагается исторія русскаго законодательства, причемъ не лишне будетъ замѣтить два изъ приводимыхъ здѣсь Татищевымъ извѣстій. Одно касается литовско-русскихъ законовъ: „Видимъ изъ Польскихъ и Литовскихъ гисторій, замѣчаетъ онъ, что въ Галичѣ, на Волыни и Полоцкѣ русскіе законы были и Литовскіе князья, обладавъ оными княженіями, по тѣмъ законамъ судили и хотя потомъ польскіе введены, но до днесь порядокъ древній хранить закономъ у нихъ утверждено, чтобъ начало всякаго приговора или опредѣленія было русское". Другое извѣстіе относится къ законамъ нѣкоторыхъ удѣльныхъ княженій, о чемъ Татищевъ упоминаетъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Въ „Разговорѣ" онъ выражается такъ объ этомъ предметѣ: „Извѣстно, что Сѣверскіе и Рязанскіе князи собственные письменные законы имѣли; но токмо отъ незнанія растеряны, что и памяти не осталось, если гдѣ въ древнихъ монастыряхъ чего не сыщется-ль". Далѣе Татищевъ настаивалъ на необходимости пере-

смотра и переработки Уложенія. Разговоръ заканчивается нѣсколькими вопросами и отвѣтами о томъ, какіе училища, учителя, учебники и какія денежныя средства необходимы для просвѣщенія русскаго народа. Убѣдясь всѣми доводами, представленными защитникомъ училищъ, собесѣдникъ его спрашиваетъ наконецъ: какой успѣхъ можетъ быть кромѣ того, что мы симъ разговоромъ только время продолжили; ибо я и то примѣтилъ, что нѣкоторые, слыша оное, посмѣявся вышли, а можетъ вмѣсто благодаренія станутъ бранить". Защитникъ училищъ возражаетъ, что многіе бывшіе при бесѣдѣ слушали со вниманіемъ, могутъ принять ее въ разсужденіе и еще лучшимъ порядкомъ изъясня объявить къ общей пользѣ; а если и будутъ порицатели разговора, то дивиться тому нечего [1]).

„Разговоръ о пользѣ наукъ" важенъ для насъ еще въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о большой начитанности Татищева въ Священномъ писаніи: разговоръ полонъ текстами изъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ книгъ; въ немъ попадаются также мысли и изреченія, заимствованныя изъ твореній нѣкоторыхъ отцовъ церкви. Употребленіе, какое дѣлаетъ Татищевъ изъ своего знакомства съ духовною литературой, свидѣтельствуетъ о его глубокомъ убѣжденіи въ истинахъ христіанской вѣры, а потому обвиненіе въ вольнодумствѣ, возведенное на него нѣкоторыми изъ современниковъ, никоимъ образомъ не можетъ быть отнесено къ религіознымъ мнѣніямъ Татищева. Съ увѣренностію можно указать лишь на одно его сомнѣніе, касавшееся книги: „Пѣснь-пѣсней", которую Татищевъ не считалъ каноническою; но когда Ѳеофанъ Прокоповичъ въ одной изъ бесѣдъ своихъ съ нимъ представилъ возраженія противъ такого сомнѣнія, то Татищевъ усердно просилъ его написать толкованіе на помянутую книгу, что и было исполнено Прокоповичемъ. Все дѣло

---

[1]) „Разговоръ", написанный Татищевымъ, дошелъ до насъ въ рукописяхъ большею частію не полныхъ и при томъ онѣ представляютъ двѣ редакціи: полную и сокращенную, не только въ изложеніи нѣкоторыхъ отвѣтовъ, но и по числу самыхъ вопросовъ. Отношенія этихъ редакцій другъ къ другу будутъ обслѣдованы мною въ другомъ мѣстѣ. На готовившееся же въ прошломъ вѣкѣ печатное изданіе „Разговора" есть указаніе въ „Росписи книгамъ, продающимся въ Луговой Миліонной улицѣ у книгопродавца К. В. Миллера", приложеніе къ „Древней Россійской идрографіи" (то же, что книга Большаго Чертежа), изданной Новиковымъ въ С.-Петербургѣ въ 1773 году. Въ этой росписи, въ числѣ „книгъ печатающихся", значится на четвертомъ мѣстѣ: „Духовная г. Татищева, съ пріобщеніемъ разговора о пользѣ наукъ и училищъ".

въ томъ, что упреки въ вольнодумствѣ сыпались на Татищева со стороны тѣхъ лицъ, которыя не считали возможнымъ для человѣка, не облеченнаго духовнымъ саномъ, входить въ разсужденія о вопросахъ церковной исторіи, да еще со ссылками не только на отцовъ церкви, но и на философовъ, а Татищевъ думалъ иначе: по его мнѣнію, „истинная философія въ вѣрѣ не токмо полезна, но и нужна, а запрещающіе оную учить суть или самые невѣжды, невѣдущіе въ чемъ истинная философія состоитъ, или злоковарные нѣкоторые церковно-служители,... наиболѣе же всѣхъ архіепископы римскіе въ томъ себя показали и большой трудъ къ приведенію и содержанію народовъ въ темнотѣ и суевѣріи прилагали, для котораго не постыдились противу точныхъ Христовыхъ словъ, еже письмо святое, въ которомъ мы уповаемъ животъ вѣчный пріобрѣсти, не токмо читать, но испытывать, то-есть, толковать повелѣлъ, папы оное читать запретили", Въ другомъ своемъ сочиненіи, написанномъ въ 1734 году, именно въ „Духовной" своему сыну, Татищевъ такъ объясняетъ происхожденіе молвы о его вольнодумствѣ: „я хотя о Богѣ и правости божежественнаго закона никогда сомнѣнія не имѣлъ, ниже о томъ съ кѣмъ въ разговоръ или преніе вступалъ, но потому, что я нѣкогда о убыткахъ, законами человѣческими въ тагость положенныхъ, говаривалъ, отъ несмысленныхъ и безразсудныхъ, невѣдущихъ Божьяго закона и токмо человѣческіе уставы противо заповѣдыванія Христовыхъ чтущихъ, не токмо за еретика, но за безбожника почитанъ и не мало невиннаго поношенія и бѣдъ претерпѣлъ". Но привычка разсуждать о человѣческихъ уставахъ, касающихся церковной жизни, была вообще свойственна тому времени: ее вызвали реформы, предпринятыя Петромъ Великимъ въ церковномъ управленіи, а потомъ поддержала та духовно-литературная полемика, которая имѣла свое начало еще въ несогласіяхъ между Стефаномъ Яворскимъ и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Рѣзкіе отзывы Татищева объ историческихъ дѣятеляхъ, имѣвшихъ вліяніе на судьбу русской церкви, не были рѣзче подобныхъ отзывовъ, встрѣчавшихся вообще въ тогдашней литературѣ. Заговоривъ о „Духовной" Татищева, мы должны прибавить, что она вообще стояла въ тѣсной связи съ „Разговоромъ о пользѣ наукъ" и отличалась отъ него лишь по цѣли, съ которою была написана: она предназначена была авторомъ исключительно для сына его и изложена въ видѣ краткихъ наставленій; „Разговоръ" же можетъ быть названъ обширнымъ трактатомъ объ общественномъ воспитаніи, имѣющемъ своею задачею

подготовленіе молодаго поколѣнія вообще къ будущей дѣятельности. Во всякомъ случаѣ и „Разговоръ“ и „Духовная“ были произведеніями, которыя можно отнести къ общественной морали [1]).

Говоря о литературныхъ произведеніяхъ Татищева, естественно упомянуть о ихъ языкѣ, зависѣвшемъ отъ книжнаго языка того времени. До Петра русская литература была по преимуществу церковная; образцами для сочиненій всякаго рода были книги, писанныя церковнымъ языкомъ, къ которому писавшій что-либо и прилаживался, но вслѣдствіе государственныхъ потребностей рядомъ съ церковнымъ языкомъ, преобладавшимъ въ литературѣ, образовался языкъ приказный, языкъ живой, доступный большинству народа и отчасти освоившійся съ иностранными рѣченіями, передѣланными преимущественно въ Посольскомъ Приказѣ на русскій ладъ. Петръ I выбралъ этотъ языкъ не только для дѣловой письменности, но и для книжныхъ переводовъ, исполненныхъ по его заказу, не говоря уже о вѣдомостяхъ, которыя стали тогда издаваться. Татищевъ слѣдовалъ этому примѣру, хотя въ своемъ историческомъ сводѣ и старался держаться стариннаго лѣтописнаго языка, что̀ иногда отражалось и въ другихъ его сочиненіяхъ. Самъ Татищевъ считалъ русскій языкъ богатымъ и плодовитымъ въ лексическомъ отношеніи, способнымъ выражать философскія и научныя понятія не хуже французскаго и нѣмецкаго, и дѣйствительно въ его „Разговорѣ о пользѣ наукъ“ встрѣчаются попытки выразить по-русски философскія понятія, извѣстныя ему въ латинскихъ и нѣмецкихъ формахъ. Такъ онъ переводилъ: Seelebeschaffenheit—можность души, Einbildungskraft, imaginatio—поятность, Verstand—догадка или смыслъ и т. п. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что Татищевъ всегда вооружался противъ привычки тогдашнихъ русскихъ людей употреблять кстати и некстати иностранныя выраженія и не разъ высказывался противъ того въ своихъ сочиненіяхъ. Особенно важно въ этомъ отношеніи длинное письмо Татищева къ Тредьяковскому, изъ Екатеринбурга отъ 18-го февраля 1736 года, вызванное рѣчью послѣдняго, сказанною въ первомъ засѣданіи Россійскаго Собранія почти за годъ передъ тѣмъ. Въ этомъ письмѣ Татищевъ приводилъ образцы смѣшнаго, а иногда и вреднаго употребленія иностранныхъ словъ, разказавъ въ примѣръ два случая пораженія русскихъ отрядовъ во время прутской компаніи отъ того, что подчиненные не

---

[1]) Духовная Татищева, очищенная отъ чуждыхъ ей вставокъ и прибавленій, издана въ 1885 г. А. Н. Островскимъ въ Казани.

могли уразумѣть приказаній, въ коихъ русскія слова перемѣшаны были съ иностранными. „И хотя вѣдаемъ, замѣчаетъ Татищевъ, что такихъ чужестранныхъ словъ наиболѣе самохвальные и никакого языка незнающіе секретари и подьячіе мѣшаютъ, которые глупость крайнюю за великій себѣ разумъ почитаютъ и чѣмъ стыдиться надобно, тѣмъ хвастаютъ. И сіе мнится мнѣ, хотя не вскорѣ, но исправить удобно въ канцеляріяхъ указомъ, а во употребленіи народномъ общимъ представленіемъ и пристойными сатиры, или сложными комедіями и вымышленными разговоры". Но самое сильное мѣсто въ этомъ письмѣ, до сихъ поръ вполнѣ еще не обнародованномъ, касалось существовавшаго тогда перевода библейскихъ книгъ, который онъ считалъ не весьма хорошимъ: „ибо въ ветхомъ завѣтѣ противъ греческаго выпущено, иное прибавлено, иное весьма въ другомъ разумѣніи положено, нѣкоторое же такъ смятно въ рѣченіи или странными словами наполнено, что на многихъ мѣстахъ сущей силы разумѣть не можно". Чтобъ объяснить эти недостатки, Татищевъ довольно подробно останавливался на исторіи исправленій библейскаго текста въ Россіи, говоря о трудахъ князя Константина Острожскаго, о книгопечатаніи въ Москвѣ при Иванѣ Грозномъ, о неудавшейся попыткѣ исправленія книгъ при патріархѣ Іовѣ, о трудахъ патріарха Филарета „человѣка высокаго ума и въ дѣлахъ гражданскихъ весьма искуснаго, но паче прилежавшаго какъ бы государство исправить и въ безопасность привести", объ ошибкахъ патріарха Іосифа въ томъ же дѣлѣ, заслужившихъ весьма рѣзкій отзывъ со стороны Татищева, и наконецъ объ исправленіи книгъ при Никонѣ, вызвавшемъ расколъ. Это письмо, любопытное во многихъ отношеніяхъ, заканчивается извѣстіемъ о томъ, что Татищевъ посылаетъ въ академію наукъ составленный имъ „Сборникъ пословицъ", изъ которыхъ „не мало словъ, нынѣ не употребляемыхъ, выбраться можетъ". Письмо къ Тредьяковскому любопытно еще и въ томъ отношеніи, что въ немъ встрѣчаются замѣчанія на русское правописаніе, на отступленія отъ этимологическихъ требованій въ пользу фонетики. Татищевъ сочувственно относился къ реформѣ, произведенной Петромъ въ славянорусскихъ письменахъ, одобрялъ такъ называемую „гражданку", но находилъ, что въ русской азбукѣ не мало лишнихъ буквъ. Эти стремленія и самого Петра, и его современниковъ упростить начертаніе звуковыхъ знаковъ русскаго языка, совпадающія съ преобразованіями государственнаго и общественнаго строя, съ сильнымъ напряженіемъ умственныхъ и духовныхъ силъ русскаго народа, не-

вольно заставляютъ припомнить, что и у другихъ славянъ, западныхъ и южныхъ, въ эпохи ихъ національнаго возбужденія совершались орѳографическія реформы: у чеховъ во времена Яна Гуса и въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія, чему послѣдовали и другіе славяне католическаго исповѣданія, вынужденные ввести въ латинскія письмена діакритическіе знаки для нѣкоторыхъ звуковъ, а у сербовъ въ нынѣшнемъ столѣтіи въ пору ихъ политическаго и умственнаго пробужденія трудами Вука Караджича, приспособившаго гражданское письмо къ сербскому языку.—Переходимъ къ ученымъ сочиненіямъ Татищева.

Изученіе русской исторіи и географіи, могло идти въ началѣ XVIII столѣтія только одновременно, помогая взаимно другъ другу; работы Татищева и происходили въ такомъ направленіи, но для нихъ нужны были образцы и руководства.

Еще древняя Русь, столь любившая лѣтописное дѣло, была охотницей до чтенія географическихъ сочиненій. Существовало нѣсколько переводовъ, такъ называемыхъ космографій, сирѣчь всемірнаго описанія земель. Въ большихъ лѣтописныхъ сборникахъ и хронографахъ XVII вѣка встрѣчались отрывки географическаго содержанія и описанія отдѣльныхъ государствъ. Въ началѣ XVIII вѣка явился переводъ сочиненія Филиппа Клювера, знатока многихъ языковъ, жившаго въ молодости въ Польшѣ и потомъ издавшаго въ 1629 году „Introductio in universam geographiam tam veterem, quam novam". Не смотря на свое скромное заглавіе это „введеніе во всю географію новую и древнюю" состояло изъ шести томовъ. Оно было первымъ географическимъ учебникомъ въ рукахъ образованныхъ русскихъ людей XVIII вѣка. Его зналъ и Татищевъ. Но главными для него пособіями по географической части были: Лексиконъ Мартиньера въ нѣмецкомъ переводѣ Гейнсіуса и два руководства по общей географіи Бернарда Варенія и Іоганна Гибнера, пользовавшіяся большою извѣстностію въ то время и переведенныя при Петрѣ на русскій языкъ. Знаменитый авторъ „Космоса" Александръ фонъ-Гумбольдтъ, считалъ „Генеральную Географію" Варенія замѣчательнымъ явленіемъ въ географической литературѣ: „Варенію",—говоритъ онъ въ своемъ „Космосѣ", „принадлежитъ неувядаемая слава за то, что онъ, исполненіемъ опыта всеобщей и сравнительной географіи, сильно привлекъ на эту науку вниманіе Ньютона; но при несовершенствѣ вспомогательныхъ наукъ, изъ которыхъ черпалъ Вареній, самая обработка не могла отвѣчать величію его предпріятія".—Не смотря на эти недостатки, Гумбольдтъ

называетъ книгу Варенія въ высшей степени важною: — ибо, заключая въ себѣ физическое землеописаніе, она обнимаетъ въ общемъ и частію въ сравнительномъ очеркѣ всѣ теллурическія явленія, а касаясь народовъ, населяющихъ землю, предлагаетъ о нихъ такія подробности, которыя въ наше время составляютъ задачу этнографіи. На сколько географія обязана своими успѣхами Варенію, на это между прочимъ не разъ указываетъ въ своихъ сочиненіяхъ и авторъ многотомной „Nouvelle Géographie universelle“ Эл. Реклю, замѣтившій, что Вареній съ успѣхомъ опровергъ Декартовское объясненіе приливовъ и отливовъ давленіемъ луны на атмосферу и первый описалъ гольфстремъ, хотя и не привелъ его названія. Книга Варенія представляла собою весьма объемистое сочиненіе (въ русскомъ переводѣ 1718 года 647 страницъ, не считая чертежей и рисунковъ), и по изложенію своему требовала отъ читателя значительныхъ свѣдѣній въ математическихъ и физическихъ наукахъ, а также въ политической и культурной исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что сочиненіе Варенія принесло большую пользу Татищеву: оно давало ему въ руки богатый запасъ ученымъ образомъ изложенныхъ географическихъ свѣдѣній и знакомило съ теоретическими взглядами того времени на различные географическіе вопросы и съ пріемами ихъ изученія. Что касается „Краткаго описанія земноводнаго круга“ Гибнера, изложеннаго въ вопросахъ и отвѣтахъ, то слѣдуетъ замѣтить, что оно богато было собственными именами: его номенклатура настолько обильна, что могла удовлетворять всѣмъ такого рода справкамъ, и дѣйствительно Татищевъ цитуетъ книгу Гибнера не однажды. Кромѣ того, Татищевъ имѣлъ подъ руками до двадцати описаній путешествій, совершенныхъ въ XVII и отчасти въ XVIII вѣкахъ по разнымъ странамъ свѣта и отчасти по Россіи, изъ коихъ черпалъ фактическія свѣдѣнія по землевѣдѣнію. Въ 43 главѣ перваго тома своей „Исторіи Россійской“ Татищевъ изложилъ усвоенныя имъ изъ тогдашней ученой литературы понятія о географіи и ея отношеніяхъ къ математикѣ, астрономіи и физикѣ: здѣсь онъ между прочимъ говоритъ, что занимающійся географіей хотя и не обязанъ производить самостоятельныя исчисленія въ области сферической тригонометріи и астрономическія наблюденія, но долженъ быть знакомъ съ ними, чтобы понимать математическую сторону земныхъ явленій; точно также ему надо быть знакомымъ съ физикой, въ примѣръ чего приводилъ предисловіе къ географіи Христіана Вольфа. Упомянувъ затѣмъ о связи географіи съ исторіей, онъ останавливаетъ особое вниманіе на кар-

тографическихъ работахъ, произведенныхъ французскою академіей и на такихъ же работахъ въ Швеціи, начатыхъ по повелѣнію Карла XI и поддержанныхъ государственнымъ сеймомъ, не пожалѣвшимъ на то никакихъ издержекъ.

Между тѣмъ географическими картами не только древняя Россія, но и первые годы царствованія Петра были не богаты. Петръ обратилъ вниманіе на эту часть только послѣ 1717 года, когда, познакомившись съ членами французской академіи наукъ, онъ сталъ думать о составленіи картъ русскихъ земель и морей, и началъ съ Каспійскаго моря. Въ 1721 году, по его приказанію, разосланы были 30 учениковъ Морской Академіи въ разныя губерніи и провинціи въ званіи геодезистовъ для измѣренія земель, снимапія картъ и описанія внутреннихъ странъ Россіи. За сводъ этихъ частныхъ картъ въ генеральную взялся было извѣстный собиратель статистическихъ свѣдѣній о Россіи за то время, предшественникъ Татищева по управленію Оренбургскимъ краемъ, оберъ-секретарь сената Кириловъ; но ему недоставало математическихъ познаній для составленія генеральнаго атласа Россіи, хотя онъ и сталъ издавать первый русскій атласъ подъ латинскимъ заглавіемъ. Въ то же время мысль о составленіи генеральной карты Россійской Имперіи возбуждена была и въ академіи наукъ — Іосифомъ Делилемъ де-ла Круа; Татищевъ, думавшій о составленіи русской географіи еще со временъ своего знакомства съ Брюсомъ, долженъ былъ такъ или иначе примкнуть къ предпріятію, о которомъ заботились въ Петербургѣ. Онъ воспользовался разсылкою геодезистовъ по разнымъ краямъ Россіи для составленія мѣстныхъ картъ и въ 1735 году составилъ сборникъ краткихъ вопросовъ географическаго, статистическаго и этнографическаго содержанія (числомъ 81), который и былъ разосланъ по сибирскимъ канцеляріямъ, но на который не получено было удовлетворительныхъ отвѣтовъ: „многіе по тѣмъ пунктамъ отвѣтствовали не въ надлежащей силѣ, знатно что отъ краткости тѣхъ пунктовъ погрѣшили". Послѣ этой неудачи, имѣя въ своемъ распоряженіи геодезистовъ для производства съемокъ и черченія картъ, и убѣдившись, что имъ нужны точныя инструкціи, Татищевъ обратился въ академію наукъ 16-го октября 1737 года, прося ее о составленіи такой инструкціи, чтобы геодезисты были въ состояніи не только хорошо наблюдать широту и долготу мѣстъ, но и производить измѣреніе земель, а въ особенности чертить географическія карты. Делиль и Эйлеръ составили просимую инструкцію. Татищевъ съ

своей стороны присоединилъ къ ней подробную програму по описательной географіи и этнографіи (198 вопросовъ). Къ первой онъ отнесъ и историческія свѣдѣнія о древнихъ и новыхъ названіяхъ земель и урочищъ и о времени перехода ихъ подъ русское владычество; для этого совѣтовалъ онъ привести въ порядокъ всѣ мѣстные архивы и описать ихъ. На ряду съ подробными запросами чисто географическаго свойства онъ постановилъ и нѣсколько археологическихъ, совѣтуя распространять между мѣстными обывателями увѣренность, что за сохраненіе и находку древностей будетъ даваемо вознагражденіе. Свѣдѣнія о бытѣ, о нравахъ, обычаяхъ и обрядахъ инородцевъ онъ совѣтовалъ собирать лаской и распросами многихъ людей, а не одного какого-либо человѣка. Въ это же самое время отчасти черезъ геодезистовъ, отчасти черезъ губернскія и провинціальныя канцеляріи, отчасти наконецъ черезъ своихъ сослуживцевъ и знакомыхъ Татищевъ собралъ цѣлые сброники выписокъ изъ различныхъ архивовъ, такъ что въ описаніяхъ его библіотекъ встрѣчаются такія указанія: архива казанская, астраханская, томская, тарская; были также рукописные сборники свѣдѣній о разныхъ губерніяхъ: архангельской, бѣлогородской, нижегородской, казанской, астраханской и сибирской, что̀, при существовавшемъ тогда дѣленіи Россіи, обнимало большую часть ея.

Вообще со времени пребыванія въ Оренбургскомъ краѣ Татищевъ посылаетъ въ академію наукъ образцы своихъ географическихъ работъ и нерѣдко сообщаетъ или въ письмахъ къ президенту барону Корфу и библіотекарю Шумахеру, или прямо въ промеморіяхъ на имя академіи о различныхъ естественно-историческихъ рѣдкостяхъ и новостяхъ, а также и о своихъ занятіяхъ. Этимъ путемъ дошли до насъ: 1) замѣчанія Татищева на донесеніе геодезиста Шишкова, который былъ посылаемъ имъ въ томскій и кузнецкій горный округи для описанія рудныхъ мѣстъ и сочиненія обстоятельныхъ имъ ландкартъ; 2) отрывокъ (въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ) изъ собственноручныхъ записокъ Татищева о живущихъ въ Сибири народахъ, частію заимствованныхъ изъ извѣстныхъ тогда книгъ: „Статъ Сибирскій“, путешествіе Ланга и описаніе сѣверо-восточныхъ частей Европы и Азіи Страленберга; 3) нѣсколько главъ изъ Сибирской географіи онъ послалъ въ 1736 году въ академію наукъ и 4) обширныя „Примѣчанія на книгу Страленберга“, переданныя также въ академію. Послѣднія заслуживаютъ, чтобъ мы остановили на нихъ свое вниманіе. Отозвав-

шись съ похвалой о задачѣ, которую имѣлъ предъ собою Страленбергъ и отчасти объ исполненіи ея, которымъ, по мнѣнію Татищева, онъ во многихъ обстоятельствахъ свѣта окно отворилъ, нашъ историкъ соглашается съ авторомъ, что знаніе восточныхъ языковъ, а въ томъ числѣ и сибирскихъ, можетъ объяснить многое въ вопросѣ о происхожденіи народовъ и, одобряя нѣкоторые изъ его выводовъ, предлагаетъ 147 поправокъ неправильнаго написанія русскихъ названій въ сочиненіи Страленберга латинскими письменами. Затѣмъ онъ дѣлаетъ 225 замѣчаній на неправильное изложеніе или освѣщеніе разныхъ событій. Такъ, онъ поправляетъ и дополняетъ извѣстія Страленберга о древнихъ развалинахъ въ Приволжскомъ краѣ, исправляетъ астрономическія и географическія опредѣленія нѣкоторыхъ мѣстностей, объясняетъ иначе многія топографическія народныя названія, предлагаетъ любопытныя замѣчанія по вопросу о границѣ между Азіей и Европой, о соотвѣтствіяхъ и различіи между дѣленіями русскаго государства на такъ называемые Розряды во время московскихъ царей и на губерніи въ эпоху имперія, о новгородскихъ пятинахъ, о происхожденіи имени Москва, о древнихъ надписяхъ, пещерахъ, мамонтовыхъ костяхъ и другихъ находкахъ въ предѣлахъ Сибири. Самыя интересныя замѣчанія касаются, впрочемъ, вопросовъ историческихъ, особенно же смутной эпохи. Наконецъ, около того же времени Татищевъ выслалъ въ академію наукъ 13 картъ разныхъ мѣстностей Уфимскаго, Оренбургскаго, Пермскаго и Тобольскаго краевъ.

Когда академіей былъ изданъ „Россійскій атласъ", то Шумахеръ, препроводивъ экземпляръ его Татищеву въ Астрахань, спрашивалъ мнѣнія объ этомъ атласѣ, а черезъ годъ писалъ о томъ же Татищеву и президентъ академіи графъ Разумовскій. Татищевъ отвѣчалъ Шумахеру между прочимъ: „Весьма радуюся, что академическій трудъ въ Россійской географіи такъ далеко произшелъ, что мы до полученія совершенныхъ провинціальныхъ и уѣздныхъ картъ сами довольствоваться съ пользою можемъ и трудившихся въ томъ всякъ благодарить причину имѣетъ". Но такъ какъ никакое дѣло не можетъ быть совершенно при его начинаніи, то Татищевъ и сообщаетъ свои замѣчанія на атласъ. Прежде всего онъ не согласенъ съ мыслью, высказанною въ предисловіи къ атласу „яко бы у насъ о географіи прилежанія прежде не было; оное ошибка, говоритъ Татищевъ: извольте посмотрѣть въ моемъ предъизвѣщеніи (къ Исторіи Россійской), которое списавъ въ запасъ, если прежнее не отыщется,

при семъ посылаю". Далѣе онъ замѣчаетъ, что многія рѣки, озера, острова и горы, весьма извѣстныя по своимъ именамъ, не подписаны въ атласѣ, либо по винѣ геодезистовъ, либо при передѣлкѣ Кириловымъ: для пополненія этихъ пропусковъ Татищевъ посылалъ въ академію книгу „Большой Чертежъ", исправленную имъ самимъ по многимъ спискамъ и мѣстами снабженную примѣчаніями, прося академію напечатать ее. Указывая на нѣкоторыя погрѣшности въ опредѣленіи границъ Кіевской губерніи съ Турціей и Астраханской съ Персіей, Татищевъ обѣщалъ выслать составляемую въ Астрахани подъ его руководствомъ карту мѣстности отъ Яика къ Эмбѣ и далѣе до Мангышлака и жалѣлъ, что академія не прислала никакихъ замѣчаній на отправленныя къ ней прежде сообщенія: о прибыли и убыли воды въ Каспійскомъ морѣ въ тридцатилѣтній періодъ и о положеніи астраханскихъ буеровъ отъ запада къ востоку, какъ изображено было въ отправленномъ въ академію чертежѣ. Далѣе онъ извѣщалъ, что ожидаетъ выписанный для него изъ Англіи квадрантъ, при помощи котораго надѣялся опредѣлить подлинную широту, а при случаѣ луннаго затмѣнія и долготу Астрахани. Въ письмѣ къ Разумовскому, отправленномъ уже изъ села Болдина, гдѣ Татищеву пришлось провести послѣдніе годы жизни, указаны были изъ недостатковъ атласа: отсутствіе на немъ нѣкоторыхъ изъ весьма извѣстныхъ населенныхъ мѣстъ, напр. Новосиля въ Орловской провинціи и Осташковскаго монастыря на озерѣ Селигерѣ, отсутствіе названій при нѣкоторыхъ урочищахъ и инородческихъ земляхъ, хотя мѣста для такихъ надписей и было достаточно. Но главное замѣчаніе касается того, что для отдѣльныхъ картъ атласа не выбрано какого-нибудь одного основанія, либо дѣленія на губерніи, что̀, впрочемъ, не слѣдовало, по его мнѣнію, принимать въ основаніе, ибо это дѣленіе Татищевъ издавна признавалъ безпорядочнымъ, либо по равному числу градусовъ. А такъ какъ послѣднее не соблюдено въ атласѣ, да и соблюсти было трудно по неравномѣрности населенія въ Россіи, то Татищевъ совѣтовалъ при будущемъ изданіи „взять по четыре или пяти градусовъ широты, начавъ отъ сѣвернаго 75 къ югу, а по долготѣ какъ придетъ, въ Сибири же, яко мало населенномъ и частію недостаточно извѣстномъ краѣ, по 8 или 12°". При этомъ Татищевъ посылалъ Разумовскому нѣсколько новыхъ сочиненій о народахъ, обитавшихъ въ Россіи.

Въ 1741 году Татищевъ представилъ графу Бестужеву-Рюмину проектъ Аральской экспедиціи, написанный Рычковымъ и полученный

отъ него еще въ 1738 году въ Самарѣ, присоединивъ къ нему свои замѣчанія, клонившіяся къ тому, что военная экспедиція произведетъ въ краяхъ, лежащихъ между Оренбургомъ и Аральскимъ моремъ, волненія, посылать же туда караваны можно не иначе, какъ при содѣйствіи какого-либо изъ киргизскихъ владѣльцевъ, напр. Джанъ-бекъ-батыря. Въ 1744 году онъ выслалъ обѣщанную въ письмѣ къ Шумахеру карту астраханскихъ мѣстъ въ сенатъ и академію наукъ. Къ тому же году относится обработка матеріаловъ, заготовленныхъ имъ для „Географическаго, историческаго, политическаго и гражданскаго лексикона", и остановившихся предъ словомъ „Клязьма", хотя уже съ буквы Е начинаютъ попадаться слова, объясненія которыхъ или не докончены, или вовсе не начаты. Но что матеріалъ былъ собранъ на весь лексиконъ, это доказывается сохранившеюся въ академической библіотекѣ рукописью: „Званія городовъ, урочищъ, рѣкъ, озеръ, чиновъ, фамилій, денегъ и обстоятельствъ въ Россіи употребляемыхъ, собраны для обстоятельнаго описанія въ статскомъ и гисторическомъ лексиконахъ, что куда принадлежитъ". Эта рукопись заключаетъ въ себѣ до 2000 словъ отъ Клязьмы до Лузы, съ самыми краткими замѣтками при нихъ, а часто и вовсе безъ замѣтокъ; матеріаловъ же для болѣе подробныхъ объясненій, какими сопровождаются въ печатномъ „Лексиконѣ" слова отъ А до Клязьмы, въ названной рукописи нѣтъ. Въ изданныхъ трехъ первыхъ частяхъ „Лексикона" (311, 216 и 217 стр.; С.-Пб., 1793) считается до 1,500 словъ. Наконецъ, Татищевымъ составлены были для „Исторіи Россійской" четыре ландкарты, не дошедшія однакожъ до насъ.

Послѣ такихъ спеціальныхъ работъ по русской географіи, произведенныхъ Татищевымъ въ теченіе десяти лѣтъ, онъ рѣшился приступить къ общему обозрѣнію Россіи. Хотя онъ и не успѣлъ вполнѣ достигнуть этой цѣли, но въ двухъ сочиненіяхъ, представляющихъ попытку самостоятельной обработки русской географіи въ видѣ краткаго руководства, собраны имъ всѣ данныя для того. Сочиненія эти: 1) „Введеніе къ гисторическому и географическому описанію Велико-Россійской имперіи. Часть первая, въ которой какъ древнее и нынѣшнее состояніе великаго государства и обитающихъ въ немъ народовъ, такъ и другія къ вѣдѣнію принадлежащія обстоятельства по возможности и на первый случай къ сочиненію исправнѣйшей исторіи вновь собраны и кратко описаны" (въ библіотекѣ Академіи Наукъ) и 2) „Россія или какъ нынѣ зовутъ Россія" (напеча-

тана въ № 6 Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1839 г. изъ Сборника, писаннаго въ половинѣ прошлаго столѣтія и принадлежавшаго графу А. Н. Остерману). Первая изъ названныхъ статей имѣетъ болѣе описательный характеръ, состоитъ изъ 14 главъ, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о природѣ всей имперіи, ея произведеніяхъ по всѣмъ тремъ царствамъ естественно-историческимъ, и сообщаетъ даже извѣстія о школахъ, арміи и флотѣ. Во второй статьѣ преобладаетъ топографическая номенклатура. Изъ нѣкоторыхъ выраженій, встрѣчающихся въ названныхъ статьяхъ, видно, что такой географическій обзоръ Татищевъ считалъ полезнымъ пособіемъ при обработкѣ русской исторіи и стало быть высказывалъ мысль обратную той, подъ вліяніемъ которой счелъ въ 1719 году необходимымъ заняться русскою исторіей прежде, чѣмъ приступить къ составленію географіи Россіи.

Всего мною сказаннаго совершенно достаточно для того, чтобы считать Татищева не только русскимъ историкомъ, но и географомъ. Переходимъ къ историческимъ трудамъ его.

Допетровская Русь знакомилась съ родною исторіей изъ лѣтописныхъ сборниковъ, въ которыхъ нуждались правительство и церковь, родовитые и служилые люди, а какъ полезное чтеніе любили всѣ грамотные; событія же всеобщей исторіи они узнавали изъ сборниковъ, носившихъ названіе хронографовъ. Никто однакожъ не думалъ не только о провѣркѣ извѣстій, заключавшихся въ лѣтописяхъ и хронографахъ, о пополненіи ихъ свѣдѣніями о народной и общественной жизни изъ актовъ историко-юридическаго содержанія, или на основаніи вещественныхъ памятниковъ, но даже о сводѣ лѣтописныхъ извѣстій воедино и потомъ о составленіи краткаго извлеченія изъ него: ибо такъ называемый „Синопсисъ“ Иннокентія Гизеля, появившійся въ Кіевѣ, не удовлетворялъ даже и послѣднему изъ названныхъ требованій. Потребность въ критической обработкѣ Русской Исторіи могла возникнуть только послѣ знакомства съ подобными же попытками относительно всеобщей исторіи, существовавшими въ западныхъ европейскихъ литературахъ. Но и тамъ большая часть историческихъ сочиненій, появившихся въ XVI и XVII столѣтіяхъ, написана была подъ вліяніемъ средневѣковой схоластики и богословскихъ воззрѣній, и несравненно меньшее число историческихъ сочиненій, появившихся уже во второй половинѣ XVII вѣка, написано было подъ вліяніемъ тѣхъ идей, которыя внесены въ политическія и государственныя науки ученіями Гуго Гроція и Гоббеса, а къ изученію исторіи при-

нѣнены въ сочиненіяхъ Пуфендорфа. Любопытно, что при Петрѣ переведены были на русскій языкъ два многотомныхъ сочиненія, вышедшихъ изъ подъ пера писателей богословскаго направленія: „Annales ecclesiastici“ кардинала Баронія подъ титуломъ „Дѣянія церковная и гражданская“ въ сокращеніи противъ подлинника, и сочиненіе протестантскаго епископа Стратемана „Theatrum historicum“ подъ титуломъ „Өеатронъ или позоръ историческій“; и въ то же время появилось въ двухъ послѣдовательныхъ изданіяхъ на русскомъ языкѣ „Введеніе въ европейскую исторію“ Пуфендорфа, извѣстнаго своими лекціями по народному и естественному праву въ Гейдельбергскомъ университетѣ. И Бароній, и Стратеманъ служили Татищеву для справокъ, но принципіальное вліяніе на политическіе и историческіе взгляды Татищева принадлежало Пуфендорфу. Онъ былъ изъ числа тѣхъ немногихъ писателей, къ которымъ Татищевъ относился съ особенною любовію и на мнѣнія которыхъ онъ опирался при оцѣнкѣ такихъ политическихъ событій, которыя были выдающимися въ исторіи народовъ, поворотными въ ихъ судьбѣ.

Заставляя переводить на русскій языкъ сочиненія по всеобщей исторіи, Петръ Великій думалъ и о составленіи исторіи русской. Сначала этимъ дѣломъ занимался, но неудачно, одинъ изъ наставниковъ царевича Алексѣя, баронъ Гюйсенъ, ограничившійся собираніемъ матеріаловъ „къ описанію Россійской Исторіи“ и искавшій лѣтописей, родословій и разныхъ свѣдѣній изъ приказовъ и монастырей, а въ 1717 году приглашенъ былъ въ качествѣ исторіографа аббатъ Иванъ Крушала или Яганъ Крусали, родомъ словенецъ, проживавшій въ Венеціи. Этотъ славянинъ, получавшій по 300 руб. въ годъ, еще менѣе сдѣлалъ, чѣмъ Гюйсенъ; онъ „имѣлъ приказанную ему исторію сочинять и къ совершенству приводить“, для чего при немъ состояли пять переводчиковъ, въ томъ числѣ и Тевкелевъ, извѣстный потомъ по своимъ столкновеніямъ съ Татищевымъ въ дѣлахъ Оренбургской экспедиціи; однакожъ Крушала, по отзыву секретаря иностранной коллегіи, хотя и именованъ былъ исторіи описателемъ, но той исторіи не сочинялъ, и былъ отпущенъ въ Италію въ іюнѣ 1730 года. Пока тратились напрасно деньги на нѣмецкаго барона и славянскаго аббата, Татищевъ, по собственному почину, изъ чистыхъ побужденій любознательности, сталъ заниматься изслѣдованіемъ русскихъ древностей и собираніемъ матеріаловъ для Русской Исторіи вообще. Ближайшимъ поводомъ къ этимъ занятіямъ было желаніе пріобрѣсти при ихъ помощи необходимую подготовку къ составленію Русской

Географіи. Еще въ промежутокъ между первою и второю поѣздкою на Уралъ въ 1722 году Татищевъ, по собственному его признанію, уже показывалъ Брюсу и Ѳеофану Прокоповичу, конечно, только начатки своего труда, какіе только успѣлъ изготовить къ тому времени. Вернувшись въ Петербургъ изъ второй поѣздки на Уралъ въ концѣ 1723 года, онъ получилъ отъ графа Саввы Владиславича Рагузинскаго извѣстную „Исторіографію славянскаго народа" Мавро-Урбина и уже былъ на столько свѣдущъ въ славянорусскихъ древностяхъ, что, прочитавъ половину этой книги, пожалѣлъ о бумагѣ и потерянномъ времени, найдя въ прочитанной книгѣ много басенъ и сущихъ лжей. Провѣряя указатель книгъ, прочитанныхъ будто бы Мавро-Урбиномъ, Татищевъ убѣдился, что авторъ многихъ изъ нихъ и не видалъ Это замѣчаніе показываетъ, что Татищевъ уже тогда обладалъ большою начитанностію. Поѣздка въ Швецію, какъ уже было сказано, много содѣйствовала расширенію историческихъ свѣдѣній Татищева и особенно помогла тѣмъ, что дала ему опредѣленную программу для изученія сѣверныхъ древностей. Знакомство съ княземъ В. М. Голицынымъ и другими дѣятелями того же времени обогатили историческія выписки Татищева многими матеріалами, извлеченными изъ рукописей, принадлежавшихъ этимъ лицамъ, на что и встрѣчаются довольно частыя ссылки въ его „Исторіи Россійской". Въ своей „Духовной", написанной въ 1734 году, Татищевъ говоритъ сыну: „гисторію русскую, хотя не въ совершенномъ порядкѣ, однакожъ довольную въ моихъ письмахъ найдешь и къ оной примѣчанія и дополнки изъ чужестранныхъ книгъ выписанныя на разныхъ бумагахъ, если охота будетъ, можешь въ порядокъ собрать". Но занятія отечественною исторіей, во времена Анны Іоанновны, были крайне затруднительны. Даже академія наукъ, учрежденная самимъ правительствомъ и обязанная распространять знанія въ Россіи, встрѣчала неодолимое препятствіе къ тому въ обстоятельствахъ времени. Особенно трудно было заниматься русскою исторіей: такъ, напримѣръ, коллегіямъ, имѣвшимъ при себѣ архивы старыхъ дѣлъ, запрещаемо было сообщать профессорамъ и адъюнктамъ академіи какія-либо извѣстія, описанія или книги изъ страха, что эти извѣстія могутъ быть напечатаны за границей. Въ 1734 году академія представляла было сенату о намѣреніи своемъ издать древнія русскія лѣтописи и хронографы, не перемѣняя въ нихъ ни нарѣчія, ни матеріи, исключая изъ нихъ только мѣста, касающіяся древности, и выражала надежду, что чрезъ то русская исторія будетъ приведена со временемъ въ лучшую яс-

ность; сенатъ передалъ представленіе академіи синоду и послѣдній отвѣчалъ: „разсуждаемо было, что въ академіи затѣваютъ исторіи печатать, въ чемъ бумагу и прочій коштъ терять будутъ напрасно". Причиною своего опасенія синодъ выставлялъ нѣкоторыя ложныя извѣстія, встрѣчающіяся въ историческихъ памятникахъ, впрочемъ не особенно важныя, и полагалъ, что отъ такихъ извѣстій можетъ произойти соблазнъ въ народѣ, а кромѣ того, самый „штиль" лѣтописей будетъ „воспящать" охотѣ къ чтенію ихъ: „того ради не безопасно, дабы не принеслось оттого казенному капиталу какого ущерба". Невольно приходилось Татищеву тратить свои капиталы на собираніе матеріаловъ для русской исторіи. На немъ одномъ въ то время лежало дѣло, которое выполняли во времена Екатерины: сама императрица, академія наукъ, типографская компанія Новикова, отчасти синодальная типографія и нѣсколько любителей отечественной исторіи, въ родѣ князя Щербатова, генералъ-маіора Болтина и другихъ. Но собирая историческіе матеріалы, они могли тотчасъ-же и печатать ихъ. У Татищева не было этого утѣшенія: онъ работалъ надъ русскою исторіей почти безъ увѣренности видѣть свой трудъ напечатаннымъ.

Многосложныя служебныя занятія, державшія его вдали отъ Петербурга и Москвы, мѣшали ему обработывать Русскую Исторію. Онъ могъ только собирать матеріалъ и отдѣлывать свой трудъ по частямъ. Правда, пріѣхавъ въ Петербургъ въ 1739 г., онъ показывалъ многимъ составленную имъ „Исторію Россійскую", требуя совѣтовъ и замѣчаній, но встрѣтилъ порицаніе съ двухъ сторонъ. Одни, держась того же мнѣнія, какое высказалъ въ 1734 году синодъ въ отвѣтъ на сообщенное ему сенатомъ представленіе академіи наукъ, находили, что нѣтъ никакой надобности ни поправлять историческіе сборники, оставшіеся отъ древней Руси, ни пополнять ихъ, и потому считали трудъ Татищева отчасти напраснымъ, отчасти вольнодумнымъ. Другіе, напротивъ, ожидали отъ татищевскаго труда краснорѣчиваго изложенія и философскихъ взглядовъ на Русскую Исторію, но, встрѣтивъ въ немъ простой сводъ лѣтописныхъ извѣстій, считали его трудъ не научнымъ. Чтобы избѣжать порицаній въ вольнодумствѣ, Татищевъ давалъ свою исторію на просмотръ Ѳеофану Прокоповичу, который сократилъ въ ней изложеніе нѣсколькихъ церковно-историческихъ событій, въ томъ числѣ и разсужденіе Татищева о монастыряхъ и училищахъ. Порицавшимъ отсутствіе философскихъ взглядовъ въ его исторіи Татищевъ могъ отвѣчать только

приглашеніемъ самимъ испробовать свои силы и написать лучшее, если могутъ. Нельзя сомнѣваться однакожъ въ двухъ послѣдствіяхъ этой попытки Татищева подвергнуть свой трудъ на общее обсужденіе: имѣя съ разныхъ сторонъ указанія на необходимость пополнить его изложеніе новыми данными о нѣкоторыхъ событіяхъ, а иныя сопоставить съ событіями изъ жизни другихъ народовъ, Татищевъ получилъ новыя побужденія къ переработкѣ и пополненію своего труда; съ другой стороны, встрѣтивъ не одни только возраженія и порицанія, а частію и одобренія своему предпріятію, Татищевъ въ это же время роздалъ нѣкоторыя главы изъ первой книги своей Исторіи знакомымъ ему любителямъ отечественной исторіи. Этимъ объясняется существованіе такъ называемаго „Предъизвѣщенія къ Исторіи" въ нѣсколькихъ редакціяхъ: въ болѣе раннихъ рукописяхъ оно гораздо короче, ибо обнимаетъ собою меньшее число главъ, а стало быть и объясняемыхъ въ нихъ вопросовъ, и кромѣ того, внесенныя въ нихъ главы изложены мѣстами короче противъ позднѣйшихъ рукописей. Въ тѣхъ изъ нихъ, которыя согласны съ печатнымъ изданіемъ, гораздо больше отдѣльныхъ главъ въ первой книгѣ, въ которую разрослось прежнее „Предъизвѣщеніе", и которая составила двѣ части: тутъ есть уже и лѣтопись Іоакимовская, полученная впрочемъ Татищевымъ только въ 1748 году, и переводы изслѣдованій Байера и краткое, нѣсколько подновленное изложеніе политическихъ взглядовъ, которые ранѣе Татищевъ высказалъ частію въ „Произвольномъ мнѣніи", поданномъ отъ шляхетства въ 1730 году, частію въ „Изъясненіи на начала историческія", частію въ „Напомненіи на роспиcаніе высокихъ и нижнихъ государственныхъ и земскихъ правительствъ". Помянутый списокъ „Предъизвѣщенія" былъ полученъ академіей въ 1747 году, стало быть до окончательной обработки всего текста исторіи, о которой подробно говорится въ письмахъ Татищева къ Шумахеру, Теплову и Блюментросту, писанныхъ уже послѣ этого года. Сличеніе этого списка и нѣсколькихъ отрывковъ, имѣющихся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, показываетъ, что академическій списокъ короче и сжатѣе противъ печатнаго изданія, а одинъ изъ московскихъ списковъ представляетъ „Предъизвѣщеніе" даже въ томъ первоначальномъ видѣ, въ какомъ оно было до распаденія на главы. Въ академическомъ спискѣ самое распредѣленіе главъ нѣсколько иное, чѣмъ въ печатномъ, не говоря уже о несходствѣ самаго изложенія. Для примѣра можно указать, что въ московскомъ архивномъ спискѣ глава, имѣющая своимъ пред-

метомъ „Древность письма въ Россіи отъ крещенія и союзовъ съ другими народами" дала матеріалъ для трехъ главъ печатнаго изданія: а) о древности письма славянъ, б) о идолослуженіи бывшемъ и в) о крещеніи славянъ и Руси; но не смотря на сравнительную съ печатнымъ текстомъ краткость изложенія этой главы въ архивномъ спискѣ, оно гораздо цѣльнѣе, а мѣстами яснѣе и даже ближе къ истинѣ: позднѣйшее обогащеніе автора новыми свѣдѣніями по тѣмъ же вопросамъ иногда какъ будто спутывало его мысль излишними подробностями. Изъ отличій академическаго списка отъ печатнаго изданія особенно рѣзко бросаются въ глаза встрѣчаемыя въ главѣ 8: „О началѣ года и разности лѣтъ въ спискахъ" и глава 9: „О крещеніи славянъ отъ апостолъ и потомъ", которыя изложены совершенно отлично и отъ архивскаго списка, и отъ печатнаго изданія. Тринадцатая глава академическаго списка, отвѣчающая 19-й печатнаго изданія, имѣетъ большое дополненіе о единородствѣ шведовъ и готовъ, передававшее, по словамъ самого Татищева, мнѣніе нѣкоего посторонняго человѣка, очевидно, одного изъ шведскихъ знакомцевъ Татищева. Чѣмъ далѣе идетъ списокъ академическій, тѣмъ изложеніе его становится сокращеннѣе, такъ что съ большимъ трудомъ можно доискаться, какая изъ главъ печатнаго отвѣчаетъ рукописной: обиліе матеріаловъ, находившихся подъ руками у автора въ послѣдніе годы его жизни, видимо отразилось на томъ спискѣ, съ котораго исторія была печатана. Не лишне замѣтить, что примѣчаній къ тексту въ академическомъ спискѣ вообще менѣе, чѣмъ въ печатномъ изданіи, а при иныхъ главахъ и вовсе нѣтъ. Любопытно, что глава 21, имѣющая своимъ предметомъ „Причины разности званій народныхъ", отвѣчающая 10-й печатнаго изданія, хотя и отступаетъ нѣсколько въ изложеніи своемъ отъ этой послѣдней, но во всемъ существенномъ не разнится отъ нея; а между тѣмъ это одна изъ лучшихъ главъ въ научномъ отношеніи: она удалась Татищеву потому, что онъ при объясненіи вопроса о происхожденіи народныхъ названій сразу сталъ на вѣрную почву—на сравненіе этихъ названій при помощи корней, принадлежащихъ различнымъ языкамъ народнымъ. Я говорю объ удачности общаго пріема, а не о всѣхъ частныхъ примѣненіяхъ его. Итакъ въ спискѣ Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ можно предполагать „Предъизвѣщеніе къ Исторіи" въ первоначальномъ его видѣ, когда оно еще не распадалось на главы и не разросталось въ цѣлую книгу; въ спискѣ академическомъ „Предъизвѣщеніе" подверглось уже значительной переработкѣ, хотя еще и не достигло той полноты,

какую далъ ему Татищевъ въ самые послѣдніе годы своей жизни и какую представляетъ печатное изданіе. „Исторія Россійская“ Татищева, составляющая сводъ лѣтописныхъ извѣстій о русской исторіи до смерти Ивана Грознаго, а въ не изданныхъ, впрочемъ, отрывочныхъ матеріалахъ захватывающая и событія XVII вѣка, такъ часто обращала на себя вниманіе русскихъ писателей начиная съ Ломоносова, Миллера и Болтина до Соловьева и современныхъ намъ изслѣдователей, при чемъ о главныхъ ея сторонахъ такъ много говорилось въ нашей исторической литературѣ, что я на этотъ разъ позволяю себѣ не останавливаться на ея содержаніи. Для полной и надлежащей оцѣнки его потребовалась бы особая рѣчь, въ которой слѣдовало бы представить судьбу текста Татищевской исторіи въ его разныхъ редакціяхъ. Обращу ваше вниманіе лишь на одно пожеланіе Татищева, какъ историка, высказанное въ разныхъ мѣстахъ его книги. Онъ просилъ, чтобы синодъ повелѣлъ во всѣхъ монастыряхъ всякія древнія письменныя книги, тетради, грамоты и прочее обстоятельно описать, и подъ именемъ Русской Библіотеки напечатать, чтобы „желающіе въ исторіи церковной и гражданской трудиться — могли знать, гдѣ что̀ сыскать могутъ, что̀ и монастырямъ не малый доходъ и пользу принесетъ“. Естественное желаніе, ибо начало русскихъ лѣтописей вышло изъ монастыря, въ продолженіи лѣтописнаго дѣла принимали участіе монастыри, а учрежденіе типографій и распространеніе научныхъ знаній въ Россіи послѣ Петра давали русскимъ монастырямъ могущественное средство къ обнародованію и даже обработкѣ того обширнаго матеріала, который накопленъ былъ въ теченіе вѣковъ ихъ предшественниками. Съ такимъ же желаніемъ обращался Татищевъ и къ академіи наукъ, которая была тогда не только центральнымъ, но и единственнымъ учрежденіемъ, представлявшимъ науку въ Россіи.

Итакъ, не касаясь историческихъ мнѣній Татищева, изъ коихъ многія весьма замѣчательны и давно уже указаны писателями нашего столѣтія, мы остановимся на его нерѣдко любопытныхъ замѣчаніяхъ и показаніяхъ по части археологіи и обратимъ вниманіе на его труды по исторіи русскаго права. Первыя дадутъ намъ образцы тѣхъ путей и пріемовъ, помощію коихъ онъ расширялъ свои свѣдѣнія; вторые откроютъ намъ совершенно отдѣльную область знанія, въ которой Татищевъ былъ начинателемъ.

Занятія русскою исторіей, конечно, должны были остановить такого наблюдательнаго изслѣдователя, какимъ былъ Татищевъ, на по-

подавшихся ему въ руки старинныхъ вещахъ. Знакомство съ русскими древностями, какъ необходимымъ пособіемъ для объясненія отечественной исторіи, онъ допускалъ въ очень широкихъ размѣрахъ, а чаще всего останавливался на исторіи монетнаго дѣла, съ судьбою котораго въ Европѣ онъ былъ хорошо знакомъ. Отправляясь отъ юридическаго значенія слова „скотъ" въ смыслѣ цѣнности, сохраненнаго въ Русской Правдѣ, Татищевъ пытался уяснить вопросъ о старинныхъ кожаныхъ деньгахъ. Въ его „Замѣчаніяхъ на книгу Страленберга" встрѣчается между прочимъ такое объясненіе слова „полушка". „Сіе имя изъ того произошло, что русскіе прежде, нежели серебряныя деньги имѣли, употребляли вмѣсто денегъ бѣльи лобки, которой считался за копѣйку, или десять оныхъ дѣлало гривну; половину лобка или лба имяновали ухо или ушко, четверть пол-ушка, восьмушку мордка или рыло, которыя имена остались до-днесь. Въ нѣкоторыхъ же княженіяхъ дѣлали мелкія деньги, именуемыя пулы, въ равномъ достоинствѣ съ мордками, то-есть, четыре за деньгу, каковыхъ еще видимъ тверскія, можайскія, смоленскія и ярославскія; въ прочихъ же можетъ были, да мнѣ видѣть не случилось". Въ 1700 году Татищевъ видѣлъ въ Новгородѣ бѣльи лобки, коихъ считалось по 380 въ гривнѣ. Впослѣдствіи онъ видѣлъ у Ѳеофана Прокоповича роспись кожанымъ деньгамъ, составленную его дьякомъ; изъ этой росписи онъ выводилъ стоимость знаковъ, упоминаемыхъ еще въ Русской Правдѣ: ногатъ, рѣзаней и кунъ. Изъ серебряныхъ денегъ временъ Московскаго царства Татищевымъ собрано было между прочимъ болѣе 300 за время правленія Василія Ивановича и, сличивъ изображенія, бывшія на нихъ, онъ не нашелъ, чтобы они были одинаковыя на обѣихъ сторонахъ. Ему извѣстна была также разница, существовавшая между старинными московскими и новгородскими деньгами. Татищевъ занимался также геральдикой. Вскорѣ послѣ коронованія Анны Іоановны онъ допущенъ былъ, по повелѣнію кабинетъ-министровъ, къ занятіямъ въ архивахъ Разрядномъ, Дворцовомъ и Коллегіи иностранныхъ дѣлъ для составленія исторіи русскаго государственнаго герба, которую тогда же и представилъ, оставивъ у себя копію, но потерялъ ее во время переѣздовъ съ одной службы на другую, и только уже на память изложилъ содержаніе ея въ одной изъ главъ своей „Исторіи". Здѣсь онъ упоминаетъ, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ присланъ былъ отъ императора Фердинанда герольдмейстеръ, который и сочинилъ гербы всѣмъ поименованнымъ въ царскомъ титулѣ областямъ, основы-

ваясь отчасти на старинныхъ печатяхъ, отчасти на монетахъ. Эта книга съ гербами находилась, по словамъ Татищева, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но копіи съ нея были у него и у нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Попытка исправить эту книгу при Петрѣ не удалась. Татищевъ и помимо того пользовался всякимъ случаемъ, чтобы пополнять свои свѣдѣнія о русскихъ гербахъ: такъ гербы Московскихъ государей онъ изучалъ по печатямъ, хранившимся въ дворцовой канцеляріи и мастерской (оружейной) палатѣ, а также по стариннымъ вещамъ, поступавшимъ въ монетную контору для передѣлки въ деньги. Татищевъ собралъ также не мало ясаковъ, между ними были: большой государевъ, городовые, выписанные изъ разряда, полковые изъ книгъ Стрѣлецкаго приказа и нѣсколько сотъ фамильныхъ. Къ сожалѣнію, онъ потерялъ этотъ сборникъ и изъ небольшаго списка ясаковъ, приводимыхъ имъ въ „Исторіи", узнаемъ между прочимъ, что ясакомъ Татищевыхъ былъ „Нуздай". Татищевъ изучалъ печати и съ технической точки зрѣнія. У него самого на одной изъ старыхъ грамотъ была красная восковая печать на бумагѣ, единорогъ, хотя обыкновенно, замѣчаетъ онъ, печати были висячія на шнурахъ; а въ „Замѣчаніяхъ" на книгу Страленберга онъ помѣстилъ любопытное для архивистовъ показаніе: „воскомъ печатанныя письма сшивались бумагою и оную сшивку загибали въ воскъ, на которомъ печатали;... въ письмахъ отъ Государя ко всѣмъ боярамъ и отъ всякаго къ подчиненнымъ своимъ той зашивки отъ воска концы долгіе на обѣ стороны оставлялись, а отъ подчиненныхъ къ главнымъ своимъ и къ самому Государю концы оные такъ плотно въ воску прирѣзывали, что ихъ не знать было. Такожь и бумага была не обрѣзанная по 1700 годъ". Упомянувъ, что всякіе акты и документы писались до этого года на столбцахъ, то-есть, разобравъ листъ бумаги вдоль надвое одинъ подъ другой подписывали, а съ того года стали сшивать цѣльные листы въ тетрадь и книги, Татищевъ прибавляетъ, что прежде всѣхъ сталъ поступать такъ помѣстный приказъ. Изъ всѣхъ приведенныхъ подробностей не трудно понять, какою свойственною только археологамъ наблюдательностію обладалъ Татищевъ при своихъ занятіяхъ русскою исторіей и изученіи ея источниковъ, даже второстепенныхъ.

Еще болѣе сдѣлано Татищевымъ для исторіи русскаго права и объясненія его памятниковъ, хотя въ этомъ случаѣ Татищевъ не имѣлъ ни предшественниковъ, ни образцовъ, какіе были у него при занятіяхъ географіей и политическою исторіей. Къ 1738 г. относятся толкованія на собранные имъ „Законы древніе русскіе", подъ коими Татищевъ разумѣлъ

Русскую Правду. Ему извѣстна была только Правда Ярослава, распространенная его сыновьями, въ 35 статьяхъ. Сознавая, что Правда въ древнѣйшемъ ея составѣ заключала въ себѣ постановленія обычнаго права, Татищевъ относилъ ихъ къ временамъ древнѣйшимъ, чѣмъ Рюриковскія, за нѣсколько сотъ лѣтъ до Ярослава. Особенно древними онъ считалъ первыя статьи Русской Правды, въ коихъ встрѣчается употребленіе слова „скотъ" въ смыслѣ цѣны или стоимости. Изъ дальнѣйшихъ памятниковъ Русскаго Права Татищеву извѣстны были, духовныя завѣщанія князей. Не разъ упоминалъ Татищевъ въ сочиненіяхъ своихъ о законахъ удѣльныхъ князей, особенно рязанскихъ и ростовскихъ, которые, хотя онъ и видалъ, но достать не могъ. На существованіе уставныхъ и тарханныхъ грамотъ у Татищева встрѣчаются лишь намеки; но онъ былъ убѣжденъ въ существованіи Судебника Іоанна III, хотя бывшаго еще неизвѣстнымъ въ его время: онъ основывалъ свою догадку объ этомъ судебникѣ на ссылкахъ позднѣйшихъ памятниковъ. Татищевъ намѣревался объяснить Стоглавъ, но успѣлъ ли сдѣлать это, неизвѣстно. Судебникъ Іоанна IV не только былъ извѣстенъ Татищеву, но и объясненъ имъ. Онъ открылъ его еще въ 1734 году въ великолѣпной рукописи, которую и поднесъ „яко вещь дивную" Аннѣ Іоанновнѣ, а копію съ нея отдалъ въ академію наукъ. Вмѣстѣ съ новоуказанными статьями сводный списокъ Судебника заключалъ въ себѣ 178 статьи. Въ примѣчаніяхъ къ нимъ не только объяснялись названія чиновъ, дѣйствовавшихъ во времена Судебника, а также старинныя юридическія выраженія, но и предложено было не мало разказовъ о различныхъ случаяхъ изъ судебной практики XVII и XVIII столѣтій. Этими примѣрами Татищевъ не рѣдко пользовался, чтобы указать несообразность той или другой статьи. Онъ первый указалъ на постановленія, которыми уничтожался переходъ крестьянъ съ земли одного помѣщика на земли другаго; отмѣтилъ, что Годуновъ отобралъ судебныя пошлины, часть коихъ шла судьямъ, въ казну, а судьямъ предоставилъ полученіе добровольныхъ приношеній отъ просителей; Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и новоуказныя статьи, слѣдовавшія послѣ него, хотя и извѣстны были Татищеву, но онъ не успѣлъ составить систематическихъ примѣчаній къ нимъ; однакожъ въ его сочиненіяхъ очень часто встрѣчается оцѣнка отдѣльныхъ узаконеній, взятыхъ изъ этихъ памятниковъ. Между мелкими рукописями Татищева, дошедшими до насъ, есть выписки изъ указовъ XVII и XVIII столѣтій, касавшіяся главнымъ образомъ

вотчиннаго и помѣстнаго права, крѣпостныхъ, таможенныхъ и сыскныхъ порядковъ и постановленій о бѣглыхъ. Татищевъ и самъ былъ законодателемъ. Его многочисленныя инструкціи различнымъ чинамъ, служившимъ подъ его начальствомъ, свидѣтельствуютъ о полномъ знакомствѣ его съ дѣйствовавшими законами. Его наказы подчиненнымъ всегда отличались необыкновенною обстоятельностію и точностію изложенія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ вѣренъ взглядамъ на законодательство, изложеннымъ въ его письмѣ къ Тредьяковскому отъ 18-го февраля 1736 года. Требуя отъ составителя узаконеній знакомства съ естественнымъ правомъ и политикой, а также съ исторіей отечественнаго законодательства, Татищевъ считалъ нужнымъ, чтобы каждый новый законъ былъ кратокъ, не наполнялся лишними словами, способными возбудить сомнѣніе, чтобы рѣченія, употребленныя въ немъ, были точныя и не двусмысленныя, чтобъ не встрѣчалось въ нихъ иностранныхъ словъ и реторическихъ оборотовъ. Написанные самимъ Татищевымъ уставы и правила, или только составленные подъ его руководствомъ отличались упомянутыми въ его письмѣ достоинствами. Особенно любопытенъ по своей отчетливости небольшой уставъ о богадѣленномъ домѣ, устроенномъ имъ въ Екатеринбургѣ; а самый обширный уставъ, обязанный Татищеву своимъ происхожденіемъ, горнозаводскій, важенъ для насъ между прочимъ и потому, что въ предисловіи къ нему Татищевъ указывалъ, какъ на общій источникъ всякаго законодательства, на законъ естественный, а для знакомства съ послѣднимъ рекомендовалъ сочиненія: Пуфендорфа „Право естественное и народное“ и Гуго-Гроція „Право войны и мира“. Вообще Татищевъ считалъ необходимымъ участіе въ законодательствѣ ученыхъ въ юриспруденціи людей, равнымъ образомъ участіе выборныхъ людей въ судѣ, примѣръ чему видѣлъ въ Швеціи, гдѣ, по его свидѣтельству, есть и „мужики, учащіеся философіи“. Онъ признавалъ за основное правило въ судебной практикѣ убѣжденіе, что когда нѣтъ закона, то нѣтъ и законопреступленія, но не сочувствовалъ изданію узаконеній временныхъ, основанныхъ на неполномъ изученіи предмета, коего они касались, словомъ такихъ узаконеній, которыя не рѣдко выходили при Петрѣ, будучи вызываемы спѣшными потребностями преобразованій и о которыхъ самъ законодатель говорилъ такъ: „сей указъ инымъ не въ образецъ“, а при замѣнѣ его новымъ, не смущаясь, признавался, что прежній постановленъ былъ „не осмотряся, не сообразя со всѣми обстоятельствы“. Татищевъ допускалъ пополненіе законовъ путемъ практики

и разсмотрѣнія отдѣльныхъ случаевъ; такъ, онъ говорилъ, что всѣ сенатскія рѣшенія спорныхъ дѣлъ суть новые законы. Съ своей стороны онъ особенно указывалъ на настоятельную потребность для современнаго ему общества въ твердыхъ законахъ, которыми бы пресѣчены были безпутныя свидѣтельства на судахъ, устраненъ вредъ отъ ложныхъ челобитій на ревнительныхъ къ правдѣ начальниковъ и наконецъ положенъ предѣлъ посредствомъ строгихъ денежныхъ взысканій за пріемъ и укрывательство бѣглыхъ крестьянъ. Однакожъ Татищевъ не считалъ плодовитость законодательства полезною для счастія общества: „много законовъ, писалъ онъ, много смятеній, если не всѣ равные на одномъ основаніи права естественнаго положены, и хотя законъ естественный не учитъ болѣе какъ знать, что̀ зло и добро и что̀ человѣкъ долженъ исполнять или оставлять, а гражданскіе точно повелѣваютъ и запрещаютъ, предписывая за преступленіе наказаніе; но правильные и порядочные законы гражданскіе почти всѣ могутъ изъ закона естественнаго изъясниться, если токмо судья оное разумѣетъ".

Изъ сочиненій Татищева, разбиравшихъ правительственныя мѣры той эпохи, когда онъ жилъ, особенно важно „Разсужденіе о ревизіи поголовной и касающемся до оной", писанное или въ послѣдній годъ пребыванія его въ Астрахани, или же въ первый годъ по пріѣздѣ въ село Болдино, гдѣ онъ провелъ остатокъ своей жизни. 17-го сентября 1742 года назначено было произвести повсемѣстную народную перепись. Со-временъ первой ревизіи, бывшей при Петрѣ, прошло уже около двадцати пяти лѣтъ и составъ народонаселенія въ Россіи сильно измѣнился: съ одной стороны, онъ долженъ былъ увеличиться отъ присоединенія нѣкоторыхъ областей, а съ другой—уменьшиться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сравнительно съ первою ревизіей. Въ инструкціяхъ новымъ ревизорамъ велѣно было обращать особенное вниманіе на прописныхъ въ первой ревизіи, на бѣглыхъ и переселенцевъ. Въ своемъ разсужденіи Татищевъ старался указать на недостатки инструкціи, обнаружившіеся тотчасъ же, какъ началась дѣятельность ревизоровъ. Умноженіе подданныхъ, а стало быть и доходовъ, учрежденіе правильной экономіи въ государствѣ, умноженіе рукодѣлій и мануфактуръ, приведеніе въ доброе состояніе внѣшней и внутренней торговли, открытіе постоянныхъ почтъ, заботы объ уменьшеніи тунеядцевъ въ странѣ, правильное содержаніе войскъ въ мирное время, правосудіе, колонизація пустыхъ мѣстъ, учрежденіе торговаго и государственнаго банка,—вотъ что считалъ Татищевъ

существенною обязанностію всякаго мудраго и экономнаго правительства, что̀ и высказано имъ въ Разсужденіи о ревизіи. Потомъ онъ кратко излагалъ исторію податей въ Россіи, разбиралъ, что̀ такое окладъ земскій, подушный, поголовный, говорилъ о размежеваніи земель съ Іоанна III до Елизаветы Петровны; упоминалъ о системѣ податей въ древнемъ Римѣ и современной ему Швеціи; наконецъ переходитъ къ разбору инструкціи. Прежде всего онъ возставалъ противъ опредѣленія офицеровъ къ производству ревизіи, потому что оттого страдаютъ полки. Онъ узналъ также, что большая часть офицеровъ по припискамъ опредѣлились къ ревизіи въ тѣ уѣзды, гдѣ были ихъ деревни, и притѣсняютъ сосѣдей; выбрали въ секретари къ себѣ своихъ доброхотовъ, чтобъ дать имъ средства обогатиться; а иные тѣхъ, на кого имѣли злобу, чтобъ отомстить имъ, отъ чего возникли ссоры съ губернаторами и воеводами, а въ дѣлѣ остановка. Безграмотность крестьянъ была причиною того, что, по неимѣнію образцовой, данной отъ правительства, сказки, подавались иногда самыя безобразныя; при неопредѣленности же въ подробностяхъ поименныхъ сказокъ, происходятъ многія недоразумѣнія. Бѣглые, переселенные изъ одной губерніи въ другую, или изъ уѣзда въ уѣздъ, были главною причиною ошибокъ, столкновеній и злоупотребеній. Не говоря уже о томъ, что затруднителенъ былъ самый процессъ ихъ отыскиванія, вопросъ о штрафѣ за нихъ, о платѣ за пожилое, о подушныхъ съ нихъ былъ неизсякаемымъ источникомъ нескончаемыхъ ссоръ и разбирательствъ между прежними и новыми владѣльцами ихъ, между составителями ревизіи и областными правителями. Татищевъ въ своемъ „Разсужденіи" пробуетъ рѣшить всѣ эти вопросы; онъ беретъ въ основаніе для того указъ Василія Шуйскаго, Уложеніе, писцовые и сыщиковы наказы и постановленія Петра. Съ такими пособіями въ рукахъ онъ проходитъ всю инструкцію пунктъ за пунктомъ, припоминая и тѣ случаи, съ которыми онъ встрѣчался во время своей жизни на Уралѣ и Астрахани. Указавъ такимъ образомъ на неудовлетворительныя, по его мнѣнію, статьи ревизіи, Татищевъ предлагаетъ въ свою очередь новую инструкцію: составители ревизіи, по его мнѣнію, должны быть выборные изъ мѣстныхъ дворянъ съ жалованьемъ; число данныхъ имъ въ помощники подъячихъ должно быть ограничено; отлучки крестьянъ во время ревизіи надо допустить; необходимо написать образцовыя сказки, опредѣлить хорошенько всѣ подробности ихъ. Подобныя же замѣчанія предлагаетъ онъ относительно сданныхъ въ рекруты, бѣглыхъ, вывезенныхъ, переведенныхъ,

прописанныхъ въ прежней ревизіи крестьянъ, относительно людей вольныхъ, излишнихъ церковниковъ, дворовыхъ людей, незаконнорожденныхъ, не помнящихъ родства, иноземцевъ. Шесть параграфовъ посвящены вопросамъ о солдатствѣ. Пятнадцать пунктовъ составляютъ особенное разсужденіе о бѣглыхъ мужчинахъ и женщинахъ, о пожилыхъ за побѣгъ и о судѣ въ бѣглыхъ по разности обстоятельствъ. Правила, составленныя на этотъ случай Татищевымъ, отличаются большою подробностію, толковитостію и основаны на существовавшихъ въ его время узаконеніяхъ; но, предлагая ихъ, осторожный Татищевъ, какъ и прежде, замѣчаетъ: „всѣ сія законы, какъ бы они полезны ни были, не могутъ быть дѣйствительны, если по нимъ исполненіе судей не послѣдуетъ, какъ того съ горестію довольно видимъ, что сильнымъ и немощнымъ, ябедникамъ и простодушнымъ иные порядки въ судѣ и иные законы къ рѣшенію находятся; но сіе болѣе отъ множества разногласныхъ законовъ и безстрашія судей происходитъ, что толковать оставляю." Татищевъ чувствовалъ потребность остановиться подробнѣе на вопросѣ о бѣглыхъ, потому что это былъ одинъ изъ существенныхъ вопросовъ, созданныхъ экономическими условіями тогдашняго быта; онъ находился въ тѣсной исторической связи съ самымъ крупнымъ явленіемъ въ древнерусской жизни—обширностью государственной области и многочисленностію населенія. Человѣкъ былъ дорогъ въ древней Россіи; всякому хотѣлось закрѣпить его за собою и не отпускать къ другому. Это желательно было не только частнымъ землевладѣльцамъ, но и государству. Если отъ землевладѣльцевъ бѣгали крестьяне на заводы и въ полевыя украйны, то отъ государственныхъ тягостей люди свободные, но малоимущіе закладывались за людей сильныхъ и богатыхъ, шли даже къ тяглымъ людямъ въ захребетники и подсусѣдники. Правительство точно также стремилось возвратить ихъ изъ принятой ими на себя зависимости въ прежнее состояніе, какъ землевладѣлецъ старался достать назадъ къ себѣ бѣжавшаго отъ него крестьянина. Такая общность и распространенность этого явленія можетъ объяснить до нѣкоторой степени, почему Татищевъ считалъ небезопаснымъ перемѣнить „вкоренившійся обычай неволи" въ Россіи, хотя и признавалъ, что вольность крестьянъ, во всѣхъ государствахъ узаконенная, многую въ себѣ тѣмъ государствамъ пользу заключаетъ. Будучи и самъ помѣщикомъ, Татищевъ составилъ также „краткія и экономическія до деревни слѣдующія записки", доказывающія и его заботливость о благосостояніи крестьянства.

Были у Татищева и другія записки полу-историческаго, полу-юридическаго и во-всякомъ случаѣ практическаго содержанія, изъ нихъ иныя дошли до насъ, иныя же извѣстны только изъ упоминаній о нихъ самого автора, таковы: разсужденіе о уставахъ магистратскомъ и таможенномъ; разсужденіе о древнемъ русскомъ купечествѣ и внѣшнихъ его промыслахъ, яко китайскомъ, персидскомъ, бухарскомъ и турецкомъ, какая прежде отъ оныхъ польза государству приносилась и какъ оные испорчены и многіе купцы разорены;—мнѣніе о передѣлѣ серебряной монеты;—записка о покупкѣ и объ отпускѣ за море верблюжьей шерсти и другихъ товаровъ, и много всякихъ проектовъ и докладовъ, писанныхъ большею частію по служебнымъ обязанностямъ. Но возвратимся къ самому автору и остановимся на послѣднихъ годахъ его жизни.

Послѣдніе годы жизни Татищевъ прожилъ въ селѣ Болдинѣ Дмитровскаго уѣзда, приводя въ порядокъ многочисленные, накопившіеся у него за 25 лѣтъ матеріалы по географіи, исторіи и археологіи русской. За это время онъ велъ ученую переписку съ Петербургскими, Московскими учеными и съ тѣми изъ своихъ почитателей, которые продолжали его дѣятельность въ Приволжскомъ краѣ. Къ самому началу 1748 года относится письмо его къ Шумахеру, въ которомъ онъ упоминаетъ о систематическомъ изученіи имъ сочиненій Геродота; жалѣетъ о пожарѣ, случившемся въ академіи незадолго предъ тѣмъ, при чемъ говоритъ, что со всѣхъ рукописей, которыя имъ прежде были доставлены въ академію въ копіяхъ, можетъ выслать новые списки. Въ слѣдующемъ письмѣ онъ извѣщаетъ, что послалъ въ академію представленіе о учиненіи вольныхъ типографій, при помощи коихъ могутъ распространиться науки „къ великой пользѣ государства и къ пресѣченію безумныхъ суевѣрствъ и вредныхъ разсужденій". Самое же письмо вызвано было напечатаннымъ отъ Академіи въ Вѣдомостяхъ приглашеніемъ охотниковъ участвовать въ переводѣ иностранныхъ книгъ на русскій языкъ. Татищевъ, находя это объявленіе краткимъ и недостаточнымъ, предлагалъ проектъ новаго объявленія, болѣе обстоятельнаго. Въ третьемъ письмѣ того же года онъ повторяетъ свое давнее предложеніе о собираніи историческихъ рукописей „въ такомъ разсужденіи, что за продолженіемъ времени много нечаянно гинетъ, котораго послѣ сыскать не можно, напримѣръ, если несчастіе съ моими книгами случится, то уже конечно многія также пропадутъ, которыхъ сыскать трудно; для того я не жалѣя желающимъ даю списывать". Для ускоренія переводовъ

подъ руководствомъ академіи онъ предлагаетъ 1000 рублей отъ себя, изъявляетъ готовность выслать переводчикамъ и книгопродавцамъ для этой цѣли книги изъ своей библіотеки. Одно изъ писемъ 1749 г. посвящено замѣчаніямъ на Сибирскую исторію Миллера. Здѣсь любопытны слова: „мнѣ особливо въ ней то мило, что онъ въ предисловіи о пользѣ исторіи многимъ внятнѣе, нежели я могъ, изъяснилъ, и хотя его превосходный разумъ я такъ почитаю, чтобъ мнѣ довольно участникомъ между его учениками быть, и чаю—далеко мудрѣйшіе меня ему похвалы приписать не отрекутся, однакожъ я такъ въ мудромъ человѣкѣ могъ нѣкоторые недостатки усмотрѣть. Я сіе не въ паученіе такъ мудраго, меньше же въ порицаніе достохвальнаго человѣка упомянулъ; но паче то себѣ представя, если я въ такомъ хвалебномъ писателѣ могъ малые недостатки усмотрѣть, то коль паче мудрый въ моемъ сочиненіи можетъ со избыткомъ величайшихъ погрѣшностей усмотрѣть, и еслибы во мнѣ ревность къ пользѣ, славѣ и чести отечеству тотъ страхъ не преодолѣвала, то бъ я конечно весь мой начатый трудъ долженъ былъ оставить и написанное истребить". Не менѣе любопытно и другое письмо отъ того же года на имя Теплова, въ которомъ, обѣщая продолжать свои замѣчанія на Сибирскую Исторію, Татищевъ прямо говоритъ, что академія просила его разсмотрѣть эту книгу: „какъ то изъ начала чинить обыкла". Въ маѣ 1749-же года Татищевъ извѣщалъ Теплова, что первая часть Исторіи уже къ окончанію пришла, только на бѣло переписать некому „затѣмъ тунѣ лежать будетъ". Тепловъ отвѣчалъ ему, что готовое къ печати онъ могъ бы прислать на имя президента Академіи графа Разумовскаго, и изъявлялъ даже готовность прислать къ нему въ Болдино писца на время: „дабы въ вашихъ глазахъ переписано на бѣло быть могло и вы бъ исправлять еще при немъ могли сами". Въ то же время Татищевъ посылалъ нѣкоторыя главы изъ своей Исторіи въ Самару къ П. Н. Рычкову, служившему нѣкогда подъ его начальствомъ, и просилъ дополненій къ нимъ. Чрезъ Рычкова у Татищева началась было переписка съ конректоромъ Московской лютеранской школы Апичемъ. Заявляя ему о всегдашнемъ своемъ удовольствіи бесѣдовать съ учеными людьми, Татищевъ звалъ Апича къ себѣ въ Болдино для ученой бесѣды. Но дни самого Татищева уже были сочтены. Онъ успѣлъ послѣ того написать еще одно письмо къ Блюментросту отъ 30-го іюня 1750 года, коимъ извѣщалъ, что первая часть „Исторіи" совершенно окончена и разсмотрѣніе ея желалъ бы поручить Миллеру „яко человѣку весьма къ тому достаточному"; что

вторая часть также кончена, осталось разсмотрѣть нѣсколько примѣчаній и что ее переписываютъ на бѣло. У Татищева мелькнула надежда увидѣть свой трудъ напечатаннымъ еще при его жизни. Онъ даже просилъ уже прославившагося тогда Ломоносова написать къ „Исторіи Россійской" посвященіе великому князю Петру Ѳедоровичу. Ломоносовъ исполнилъ желаніе Татищева и расхвалилъ „Предъизвѣщеніе къ Исторіи" и примѣчанія къ первой части ея, изъявивъ при этомъ немалую радость по случаю вниманія, оказаннаго ему Татищевымъ: „ибо кромѣ того, что особою вашего превосходительства къ почтенію всякъ побужденъ быть долженъ, имѣлъ я издавна желаніе изыскать случай, какъ бы вашему превосходительству показать мою услужность, для того что объ охотѣ вашей къ россійскому языку слыхалъ довольно, къ которому я трудъ свой по силѣ прилагаю; сіе желаніе паче моего чаянія нынѣ исполнилось". Хлопоталъ о сохраненіи татищевскаго труда и академикъ Миллеръ, по мысли котораго открытъ былъ при академіи въ 1748 году историческій департаментъ. Онъ настаивалъ, чтобы академія пріобрѣла отъ Татищева всѣ собранныя имъ извѣстія, касающіяся Русской Исторіи: опасаясь утраты татищевскихъ трудовъ и рукописей, Миллеръ вызывался на поѣздку въ Болдино для переговоровъ съ авторомъ „Исторіи Россійской": „онъ тайный совѣтникъ Татищевъ, говорилъ Миллеръ въ своемъ представленіи, какъ извѣстно, человѣкъ незавидливый, но весьма откровенный въ дѣлахъ, до простиранія наукъ касающихся". Нужно ли что-либо прибавлять еще къ такому отзыву для характеристики Татищева какъ ученаго? Этотъ отзывъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что Татищевъ былъ предшественикомъ Миллера по занятіямъ русскою исторіей, составилъ по просьбѣ академіи замѣчанія на „Сибирскую Исторію" Миллера, который отвѣчалъ на нихъ съ большимъ уваженіемъ къ трудамъ своего рецензента и потомъ сдѣлался издателемъ этихъ трудовъ.

15-го іюля 1750 года Татищева не стало [1]). Въ его лицѣ отошло въ вѣчность то поколѣніе русскихъ людей, которые воспитавшись

[1]) Въ апрѣльской книжкѣ *Журн. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ напечатано „Предсмертное увѣщаніе В. Н. Татищева сыну". Въ общемъ оно не противорѣчитъ характеру и убѣжденіямъ Татищева, но кидается въ глаза разногласіе между показаніями записавшаго будто бы на память это увѣщаніе: сперва говорится, что Татищевъ скончался во время соборованія при чтеніи седьмаго евангелія, а потомъ говорится, что онъ умеръ при послѣднихъ словахъ сказаннаго

среди бытовой обстановки и общественныхъ условій, господствовавшихъ въ Руси допетровскихъ временъ, отчасти путемъ самообразованія, отчасти увлекаемые могучимъ потокомъ преобразовательной дѣятельности самого Петра, расширяли кругозоръ своихъ теоретическихъ убѣжденій и практическихъ привычекъ, усвоили много новыхъ потребностей, между коими жажда знанія была не изъ послѣднихъ, и все таки оставшись вполнѣ русскими людьми, не вѣдая и не говоря о разладѣ, будто бы существовавшемъ между древнею и новою Русью. Мысль объ этомъ разладѣ явилась уже только среди послѣдующаго поколѣнія, воспитавшагося при Елисаветѣ и дѣйствовавшаго при Екатеринѣ II. Татищевъ-же былъ представителемъ той эпохи и того общества, которыя не только не подозрѣвали, но и не допускали мысли, что между задачами, интересами и потребностями второй половины XVII и первой половины XVIII столѣтій существовали сильныя противорѣчія. Различія между ними въ названныхъ явленіяхъ жизни, конечно, не было. Но Татищевъ и современники его ушли далеко отъ предшествовавшаго поколѣнія тѣмъ, что въ основу всей своей дѣятельности полагали знаніе, стремленіе дать себѣ отчетъ въ происходящемъ около него, привычку самимъ „промышлять о себѣ". Школа, чрезъ которую провелъ это поколѣніе Петръ, не прошла для него безслѣдно: сфера умственнаго развитія, благодаря ей, расширилась; много новыхъ пріемовъ, свѣдѣній и понятій вошло въ жизнь русскаго человѣка, который почувствовалъ удовольствіе отъ ускореннаго движенія жизни. Но та же школа оставила и громадный матеріалъ по себѣ, который не позволялъ русскимъ людямъ успокоиться на пріобрѣтеніяхъ, добытыхъ въ царствованіе Петра: особенно усилились изученіе страны и изученіе прошлой исторіи ея, которыя должны были привести русскій народъ къ самопознанію, имѣвшему освободить его отъ многихъ недостатковъ во внутреннемъ бытѣ и отъ многихъ ошибокъ во внѣшнихъ сношеніяхъ. Сознаніе этихъ недостатковъ и ошибокъ, ведущее свое начало отъ временъ Петра, лучше всего доказываетъ способность русскаго народа освободиться отъ подчиненія имъ, отъ рабства предъ ними. Если эта способность не потеряна, то народъ, какъ и

нимъ, довольно длиннаго для умирающаго человѣка, увѣщанія. Еще страннѣе, что Татищевъ, говоря съ сыномъ при его женѣ и сынѣ, нашелъ будто бы нужнымъ дать ему совѣтъ и на случай смерти присутствовавшей тутъ же этой самой жены! О присутствіи при этомъ другихъ лицъ, въ томъ числѣ и записавшаго увѣщаніе, не сказано.

отдѣльный человѣкъ, не погибъ: онъ имѣетъ право на лучшее будущее и, конечно, достигнетъ его. Писатель, о которомъ у насъ шла рѣчь, былъ однимъ изъ крупныхъ дѣятелей, направлявшихъ современное ему общество къ сознанію своихъ недостатковъ и ошибокъ и указывавшихъ средства и пути, при помощи коихъ можно было достигнуть совершенствованія. Да будетъ же память его незабвенна на страницахъ русской исторіи и почтена въ средѣ представителей русской науки и русскаго просвѣщенія.

Нилъ Поповъ.